

1915 г.

002
M-39

МАЯКЪ.

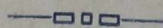
СОДЕРЖАНІЕ:

Три яйца. Разсказъ *Ст. Марса*.
Цвѣтутъ фіалки. Стих. *О. Жукъ*.
Герои-рудокопы. *И. Горбунова-Посадова*.
Весной пахнуло. Стих. *Н. Страховой*.
Сольвэ съ Солнечнаго хутора. Повѣсть *Г. Онруда*.
Думающія животныя. *М. Яковлевой*.
Своимъ домкомъ. *В. Лукьянской*.

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ.

Маленькіе японцы. Повѣсть *Люси Фичъ-Перкинсъ*.

Въ текстѣ 37 рисунковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Какъ помогать въ несчастныхъ случаяхъ. *Л. и Ж. Караваевы*. Выпускъ I. (Какъ переносить заболѣвшихъ. — Перевязки. — Ушибы и раны. Ожоги.) Съ 40 рисунками.

№ 4.

Три яйца.

Разсказъ Ст. Марса.

Пятнадцать дюймовъ сосредоточенной стремительности. Пара изогнутыхъ крыльевъ и пара шпоръ, подобныхъ стальнымъ остриямъ. А между крыльями и шпорами тѣло и ноги, на которыхъ росли шпоры. Цѣлое же—воплощенная мощь, быстрота, напряженіе и сверхъ-отвага—неслось подь именемъ Его Свѣтлости Сокола-Сапсана. То былъ

принцъ крови, охотникъ по призванію и хищникъ, конечно. Богъ одинъ да еще онъ самъ знаетъ, откуда онъ появился. Только-что его не было, и вдругъ онъ вылетѣлъ свистящимъ стальнымъ клиномъ изъ глубины выси. Еще моментъ, и онъ сидитъ на выступѣ далекой сѣрой скалы, спокойный, надменный и властный, задумчиво глядя на бившуюся у него въ когтяхъ горлицу.

Среди обитателей страны его прибытіе не вызвало никакого восторга. То были птицы: чайки, тупики, кайры, грачи, галки, голуби, каменки, пустельги и другія. Онѣ почувствовали себя такъ, какъ почувствовали бы себя люди, если бы среди нихъ вдругъ поселился людоедъ.

Онѣ всѣмъ сердцемъ надѣялись, что онъ улетитъ, но надежда ихъ угасла на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Едва лишь забрезжилъ блѣдно-сѣрый разсвѣтъ, онѣ увидѣли его на зубцѣ скалы и пристально глядящимъ вдаль, черезъ безко-

Солнце выглянуло надъ горизонтомъ, заливая все волшебнымъ краснымъ сіяніемъ, и дикій вопль вырвался въ тотъ же моментъ изъ горлъ пернатаго народа, и каждая голова, каждый блестящій, быстрый глазокъ повернулся въ одномъ направленіи—вверхъ.

Соколь летѣлъ.

Онъ метнулся впередъ и вверхъ такъ внезапно и стремительно, что у слѣдившаго за нимъ захватило дыханіе. Нѣсколько быстрыхъ, какъ молнія ударовъ крыла, и затѣмъ—легкій, быстрый, какъ вѣтеръ, порывистый, стремительный, неутомимый полетъ сокола.

Трепетавшія передъ нимъ птицы прослѣдили, какъ онъ исчезъ въ нѣсколько секундъ за утесомъ, дивясь, что онъ не убилъ ихъ на мѣстѣ, и вернулись къ своимъ дневнымъ занятіямъ.

Что онъ дѣлалъ и гдѣ онъ былъ въ отсутствіи, нашъ странникъ никогда не сообщалъ. То была молодая птица, достигшая зрѣлаго возраста, то-есть совершеннолѣтія—и онъ чувствовалъ потребность въ подругѣ, которая раздѣлила бы его тревоги и радости до конца его дней, такъ какъ соколы остаются вѣрными всю свою жизнь.

Никто никогда не видѣлъ взрослого сокола безъ пары. Если одинъ изъ супруговъ оказывался убитымъ, оставшійся въ живыхъ немедленно пускался въ таинственное путешествіе и возвращался съ новой подругой.

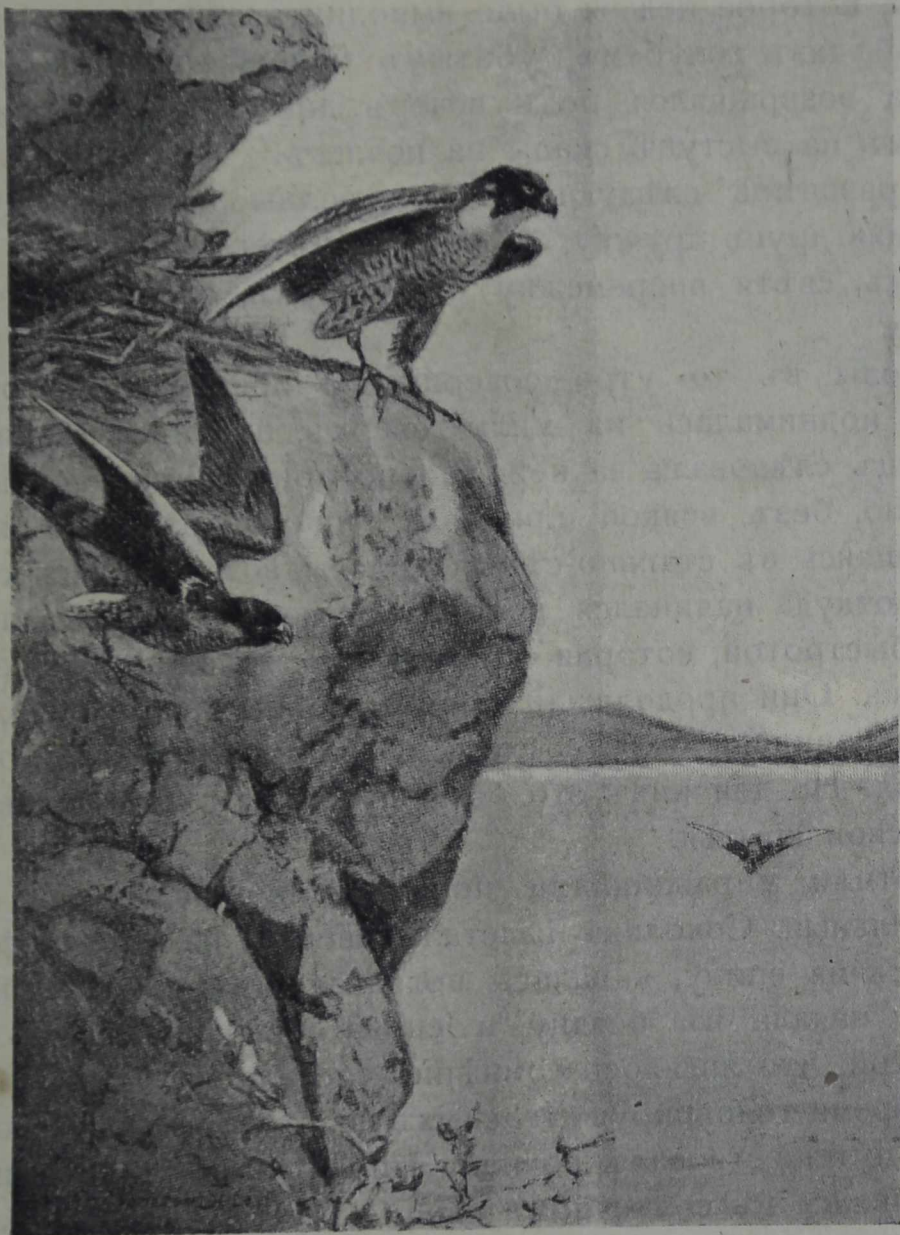
Вотъ почему и нашъ соколь нашелъ для себя подходящимъ улетѣть на нѣсколько дней, не давая никому объясненій и предоставивъ птичьему народу наслаждаться мыслью, будто онъ улетѣлъ навсегда.

Когда соколь вернулся, онъ нашелъ на зубцѣ „его“ скалы сарыча, который жалобнымъ мяуканьемъ навелъ страхъ на все птичье царство.

Вмѣстѣ съ соколомъ появилась другая, болѣе крупная птица, его новая подруга. Она была больше его на цѣлыхъ два дюйма въ длину; на буровато-бѣлой груди у нея были маленькія, въ видѣ стрѣлокъ, черныя отмѣтины, между тѣмъ, какъ у сокола были косыя, изломанныя полоски, но она обладала всей его надменностью, нетерпимостью, властью, дерзостью и отвагой, даже еще въ большей степени.

Завидѣвъ издали, приблизительно на разстояніи мили, избранное имъ убѣжище, соколь стрѣлой пустился къ нему, и трусливаго сарыча какъ не бывало на скалѣ.

Соколиха взмыла кверху, выписывая на голубомъ сводѣ широкія спирали, пока не превратилась въ безконечно далекую точку. И тамъ она спокойно сложила крылья. Результатъ получился поразительный: она поднималась вверхъ въ теченіе пяти минутъ, а упала внизъ въ пять секундъ.

Пара черныхъ воронъ покинула свое любимое занятіе надобдять другимъ птицамъ и, бранясь, летала вокругъ сокола. Онѣ не видѣли соколихи, но соколиха увидала ихъ и прицѣлилась чрезвычайно мѣтко. Какъ молнія, ударила она одну изъ воронъ въ тотъ самый моментъ, когда та кружилась надъ моремъ.

Ударъ, клочки перьевъ, свистъ могучихъ крыльевъ соколихи, стремительно скользящей внизъ и снова вверхъ, и

тѣло вороны, безжизненное, совершенно разбитое, упало далеко внизъ, въ голодное море.

Такимъ образомъ, двумя быстрыми ударами соколы утвердили свое господство на скалистомъ берегу. Слѣдующимъ дѣломъ было заложить домъ (оба они лишь недавно достигли зрѣлости и гнѣзда не имѣли), а это было дѣломъ нелегкимъ, дѣломъ, которое нельзя было выполнить однимъ духомъ.

Пообѣдавъ голубемъ, убитымъ налету въ то время, какъ бѣдняга возвращался подъ вечеръ домой, они усѣлись рядышкомъ на выступѣ скалы на ночлегъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня волны взапуски мчались, перегоняя другъ дружку, бушевалъ вѣтеръ, а солнце весело смѣялось, свѣтя попеременно съ ливнемъ, словно плача отъ радости.

Соколы въ то утро совершенно обезумѣли. Соколиха упрямо поднималась на милю вверхъ, противъ вѣтра, а ея товарищъ слѣдовалъ за ней, словно привязанный веревочкой. Внезапно, безъ всякой причины, они поворачивали назадъ, превращаясь въ стально-сѣрыя полосы, возвращались къ тому мѣсту, откуда начинался полетъ. Все это продѣлывалось съ такой быстротой, которая вызвала бы головокруженіе даже у стрижа. Они продолжали свои маневры такъ долго, что у зрителя начинали болѣть глаза, и голова кружилась отъ наблюденія. Но для нихъ это было пустякомъ: они лишь упражняли свои крылья.

За этими упражненіями послѣдовали новыя, еще болѣе изумительныя. Соколиха взлетала вверхъ на тысячу футовъ, ложилась на спину, качалась, поддаваясь вѣтру, и затѣмъ съ размаху падала въ бездну и снова возвращалась съ такой быстротой, что являлось сомнѣніе, улетала ли она вообще.

Во время головокружительныхъ полетовъ, молодой подруги, соколъ путешествовалъ по небу гигантскими спиралями, пока не скрывался въ солнечномъ сіяніи. Затѣмъ онъ возвращался прямо, какъ падаетъ метеоръ, и мчался навстрѣчу подругѣ.

Не обезумѣлъ ли онъ, этотъ соколъ? Ужъ не собирается ли онъ стереть ее въ порошокъ, уничтожить такъ, чтобы и слѣда отъ нея не осталось? О, ужасъ, они встрѣтились! Нѣтъ, они не встрѣтились: въ тотъ мигъ, когда она очутилась на дюймъ отъ смерти, она спокойно перекувырнулась въ воздухъ и пропустила мимо себя мчавшагося съ быстротою молніи сокола.

Такъ они рѣзвились до самаго полудня и затѣмъ нашли себѣ мѣсто для дома. Выступъ скалы былъ отвергнутъ послѣ должнаго осмотра, какъ слишкомъ открытое мѣсто. Уютная выемка въ видѣ чаши, позади выступа, была также оставлена безъ вниманія. Выборъ палъ на углубленіе въ видѣ пещеры, расположенное въ десяти футахъ отъ вершины скалы: тянувшееся на четыре фута вглубь скалы и недоступное дождю и бурѣ, оно казалось вполне пригоднымъ мѣстомъ для гнѣзда.

Отъ птицы царственной породы нельзя было ждать, чтобы она снизошла до постройки гнѣзда: эта работа была удѣломъ птицъ болѣе низкаго происхожденія. Удѣломъ же нашей пары было охотиться, бороться съ вѣтромъ и пожирать пространство для собственнаго удовольствія. Поэтому гнѣздо на днѣ пещеры, въ восемнадцати дюймахъ отъ отверстія, отличалось спартанской простотой. Соколиха вырыла когтями плоское углубленіе одиннадцати дюймовъ въ діаметрѣ, посмотрѣла на него съ пять минутъ и, прокричавъ необыкновеннымъ, жалобнымъ крикомъ: „кни-аркъ!“ возвѣстила, что она готова вступить въ управленіе домашнимъ хозяйствомъ.

Случилось это въ мартѣ. Послѣ того они стали охотиться, по обычаю, порознь, оставаясь вмѣстѣ лишь во время бѣшенаго утренняго веселья, когда весь дикій міръ глядѣлъ на нихъ въ изумленіи, пораженный ужасомъ.

Всю ночь они ютились рядомъ—мрачные, неукротимые, надменные, но вѣрные другъ другу. Они скорѣе забыли бы распуścić свои крылья и хвостъ, падая съ высоты съ головокружительной быстротой, и разбились бы на смерть о землю, чѣмъ подумали бы объ измѣнѣ другъ другу.

Вечеромъ, семнадцатаго апрѣля, соколъ вернулся домой. Было жарко, онъ усталъ, и настроеніе у него было, какъ и перья, взъерошенное. Но если судьба благословила васъ подругой на цѣлыхъ два дюйма длиннѣе васъ самого,—а это общая участь птицъ сапсановъ,—настроеніе приходится поневолѣ обуздывать. Онъ охотился за лозникомъ. Лозникъ—небольшая, тонкая, съ крыльями въ видѣ косы, болотная птица, ловко умѣющая водить за носъ хищныхъ птицъ. Ловко заманивъ его въ погоню, она поднялась было на такую высоту, чтобы принять его смертельный ударъ, а затѣмъ стремглавъ пустилась вдоль канала и скрылась, оставивъ за собой лишь насмѣшливый, рѣзкій свистъ.

Но вернемся къ разсказу. Соколь взмыль на высоту въ тысячу футовъ и затѣмъ, съ бѣшеной быстротой, плотно сомкнувъ крылья, спустился снова внизъ, и у самаго входа въ пещеру остановился, широко раскрывъ крылья, распустивъ вѣромъ хвостъ и откинувъ назадъ туловище. Онъ стоялъ тихо, со странной, свойственной соколамъ манерой, глядя изъ-подъ нависшихъ бровей.

Его подруга неподвижно стояла возлѣ гнѣзда, смотря на что-то, лежавшее внутри. Не думаю, чтобы они вполнѣ оцѣнили значеніе того, на что они глядѣли, хотя они понимали всю святость его. Это было яйцо—сливочно-бѣлое, круглое яйцо въ красныхъ крапинахъ. Птицы сами казались изумленными: ихъ опытъ въ этомъ дѣлѣ ограничивался лишь тѣмъ, что они когда-то сами были внутри яйца, а съ этой стороны яйца выглядятъ, конечно, иначе.

„Кни-аркъ!“ сказала соколиха и поспѣшно сѣла на свое сокровище, съ такой предосторожностью, словно садилась на горячій уголь. Очевидно, она намѣревалась быть одной изъ тѣхъ ретивыхъ насѣдокъ, что садятся, вопреки общепринятому обычаю, сразу же на первое яйцо.

„Кра-акъ!“ произнесъ соколь и отправился спать. Что бы тамъ ни было, яйца ли, звѣзды ли сваливаются на васъ, спать надо, а, кромѣ того, онъ зналъ, что принесетъ съ собою слѣдующій день.

И день принесъ—вмѣстѣ съ золотыми, красными, желтыми и розовыми красками великолѣпнаго солнечнаго восхода—принесъ настоящее требованіе пищи извнутри пещеры.

Соколь сидѣлъ, грѣясь на солнышкѣ и заботливо прочищая свои перья. Онъ, казалось, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на зовъ, но странные глаза его сверкнули по волнамъ и по размываемой ими скалѣ, и онъ почесалъ голову наружнымъ желтымъ пальцемъ.

Затѣмъ онъ внезапно выпалъ изъ пещеры, такъ внезапно, что каждый пернатый наблюдатель—а такихъ были сотни—вздрагнулъ. Съ быстротой молніи оправившись, онъ исчезъ надъ скалой. Когда онъ вернулся черезъ полчаса, въ когтяхъ у него былъ молодой кроликъ.

Девятнадцатаго апрѣля появилось второе яйцо, а двадцать второго было снесено третье и послѣднее. Всѣ они были одинаковой окраски, но двухъ, совершенно сходныхъ, не было. Они были уложены соколихой на разстояніи дюйма одно отъ

другого, въ видѣ треугольника. Кстати сказать, ни одна соколица не позволяетъ своимъ яйцамъ дотронуться другъ до друга, если только она въ состояніи это сдѣлать. Таковъ обычай, но если какой-нибудь человѣкъ зналъ основаніе этого обычая, то онъ не повѣдалъ его міру. Быть-можетъ, причина такому обычаю есть, а быть-можетъ, и нѣтъ. Большинство вещей въ природѣ, однако, имѣетъ свое основаніе.

Съ этого момента начались для нашей пары затрудненія. Соколь охотился одинъ, какъ и раньше, но теперь ему приходилось охотиться за двоихъ, и, вмѣсто того, чтобы поѣдать добычу на мѣстѣ, какъ бывало раньше, во дни свободы, онъ долженъ былъ теперь приносить ее домой. Поэтому онъ соблюдалъ большую осторожность на охотѣ. Иногда онъ садился на яйца самъ, но нельзя сказать, чтобы ему былъ по вкусу ужасный, медленный, требующій громаднаго терпѣнія, процессъ высиживанія.

Въ первый день ему не повезло. Бросившись изъ гнѣзда съ обычной его необыкновенной стремительностью, онъ пустился въ погоню за стаей галокъ. Галки—птицы низкаго происхожденія, съ мѣщанской рѣчью, и очень свѣдущія. Онѣ доказали это сразу, полетѣвъ къ гнѣзду вѣрона, которое находилось на разстояніи четверти мили оттуда. Соколь, увлекшись стремительной погоней, очутился въ такомъ положеніи, что не могъ безъ опасности для себя игнорировать большую, черную тѣнь надъ собой; другая тѣнь кружилась съ правой стороны. То были вѣроны, а вѣроны—заклятые враги соколовъ.

Соколь зналъ, какъ зналъ и весь дикій міръ, что затѣвать ссору съ вѣрономъ въ то время, когда выводятся птенцы,—безразсудно. Вѣронъ бываетъ неловокъ и медлителенъ, но такой птицы, которую бы онъ побоялся въ это время—нѣтъ.

Двумя мѣсяцами раньше соколь ударилъ бы галку подъ самой тѣнью крыльевъ вѣрона, будь въ этомъ надобность, и предоставилъ бы несчастной жертвѣ барахтаться въ морѣ внизу. Кромѣ того, онъ загналъ бы такъ любого вѣрона, осмѣлившася безпокоить его,—хотя для этого нужна не малая отвага,—что тотъ радъ былъ бы убраться отъ него по добру по здорову. Но соколь былъ охваченъ извинительной трусостью отца и мужа,—страхъ, которому поддается храбрѣйшій. Кромѣ того, цѣлью его были поиски пищи, а не ссоры съ птичьей чернью скалистаго берега.

Поэтому онъ понесся съ волшебною быстротою дальше и вскорѣ очутился надъ болотомъ въ пяти миляхъ разстоянія, гдѣ онъ и нашелъ красноногаго лозника. Онъ пустился за нимъ въ погоню и тутъ сдѣлалъ непростительный промахъ.

Лозникъ—болотная птица средней величины, съ краснымъ клювомъ и красными ногами. Онъ — единственная изъ птицъ, пригодныхъ для ѣды, которая въ числѣ не уменьшается, а это доказываетъ его необычайную хитрость.

Завидѣвъ сокола, лозникъ поднялся подъ облака, но медленно своего преслѣдователя, мчащагося съ быстротой семидесяти миль въ часъ. Не успѣлъ соколъ пролетѣть и половины пути, какъ лозникъ внезапно повернулъ обратно и просвистѣлъ мимо него. Перемена тактики произошла такъ ошеломительно-быстро, что соколъ еще не успѣлъ оцѣнить все значеніе ея, какъ лозникъ былъ уже далеко, съ протяжнымъ и насмѣшливымъ крикомъ: „тайопъ, тайопъ!“

Кромѣ того, лозникъ старался держаться надъ самой землей, пока не скрылся совершенно изъ виду: онъ зналъ отлично, что соколъ не осмѣлится бить съ налету птицъ, летящихъ низко надъ землею, потому что самъ можетъ при этомъ разбиться на смерть прежде, чѣмъ успѣетъ уменьшить свою ужасную скорость.

Соколъ въ ярости крикнулъ рѣзко и коротко: „кэкъ! кэкъ!“ и полетѣлъ за новой добычей.

Глаза всѣхъ хищниковъ — чудо остроты, поэтому соколъ сейчасъ же замѣтилъ дикаго селезня, который, возвращаясь съ сытной пирушки, выписывалъ круги на высотѣ прежде, чѣмъ рѣшилъ нырнуть въ камыши, гдѣ вела хозяйство его подруга.

Селезень, правда, спустился въ камыши, но не совсѣмъ такъ, какъ онъ этого ждалъ — гораздо быстрее, чѣмъ свойственно этой птицѣ, и кувыркомъ. Свистящей чертой спустился соколъ сверху и, ударивъ несчастнаго селезня шпорой правой ноги, окончилъ его жизнь.

Такъ жилъ соколъ пять дней, ничѣмъ не смущаемый. Но когда онъ вернулся въ тотъ пятый вечеръ домой, несчастье ожидало его.

Обычно онъ возвѣщалъ свое прибытіе домой протяжнымъ, жалобнымъ крикомъ: „кии-аркъ!“ Упавъ съ высоты въ тысячу футовъ къ самому отверстию пещеры, онъ снова взлеталъ на большую высоту и повторялъ этотъ маневръ раза два или три. Но въ этотъ вечеръ, нырнувъ, онъ задержалъ

полетъ на серединѣ, и отлетѣлъ въ сторону, бѣшено раздвинувъ воздухъ своими изогнутыми крыльями. Крикъ замеръ въ его изсиня-черномъ, крючковатомъ клювѣ.

Его подруга неподвижно парила въ воздухѣ, головой къ вѣтру, надъ открытымъ моремъ, на разстояніи полумили отъ берега. Она замерла на небольшой высотѣ, напротивъ пещеры, и не издавала ни звука. Было что-то странно-загадочное въ этой мрачной, безмолвной неподвижности большой хищной птицы, повисшей одиноко среди залитой краснымъ свѣтомъ огромной пустыни моря и неба.

Въ пещерѣ былъ человѣкъ. Соколъ увидѣлъ его, и то взлеталъ вверхъ, то нырялъ снова книзу. То и дѣло раздавался его звонкій, гнѣвный крикъ: „кра-акъ! кра-акъ! кра-акъ!“ Его подруга, слегка повернувъ голову, отвѣтила въ первый разъ какимъ-то особеннымъ, грустнымъ „ки-и-ар-къ!“ Вслѣдъ за тѣмъ раздался ея встревоженный, рѣзкій крикъ: „куаркъ!“ То былъ единственный звукъ, который она издала во время всего происшествія.

Спустя нѣсколько минутъ, — онѣ казались птицамъ часами, — человѣкъ вышелъ.

Соколы совершенно упустили изъ виду то обстоятельство, что огромный, нависшій камень, полу-скрывшій входъ въ пещеру, закрывалъ отъ нихъ дорогу, по которой ловкій человѣкъ могъ добраться до пещеры съ вершины скалы.

Человѣкъ, выйдя изъ пещеры, вскарабкался на эту дорогу и направился въ чащу дикаго терна. Онъ не вышелъ обратно оттуда, и фактъ этотъ былъ отмѣченъ соколѣмъ.

Мелькнувъ темной полосой, соколиха, полная яростнаго нетерпѣнія, скользнула въ гнѣздо. Соколъ же быстро носился взадъ и впередъ по воздуху.

Среди дичи царитъ убѣжденіе, что тамъ, гдѣ притаится человѣкъ, замышляется смерть. Поэтому соколу было не по себѣ: его тревожилъ человѣкъ, забравшійся зачѣмъ-то въ чащу кустарника. Пронесясь стрѣлой мимо отверстія пещеры, онъ испустилъ внезапно предостерегающій крикъ, и соколиха выпорхнула въ тревогѣ изъ гнѣзда.

Улетая въ море, она бросила пронзительный взглядъ назадъ на скалу: люди взбирались вдоль ея края. О, ужасъ! Еще люди! Они пришли и остановились надъ пещерой. Они говорили между собой. А человѣкъ въ кустахъ не подавалъ ни признака жизни.

Вскорѣ одинъ изъ пришедшихъ съ помощью веревки спустился въ гнѣздо. Что онъ тамъ дѣлалъ, никому неизвѣстно, но когда онъ вернулся къ своимъ товарищамъ, птицы увидѣли у него въ рукахъ свои драгоцѣнныя яйца.

Съ радостнымъ смѣхомъ люди быстро ушли, и едва скрылся послѣдній изъ нихъ, какъ появился человѣкъ, прятавшійся до тѣхъ поръ въ кустахъ. Ровно семь минутъ понадобилось ему, чтобы спуститься въ гнѣздо и снова взобраться на вершину холма.

Этотъ человѣкъ оказался еще безумнѣе остальныхъ. Онъ хохоталъ еще сильнѣе тѣхъ. Онъ даже легъ на вершинѣ скалы и покатывался отъ хохота, рискуя свалиться. Наконецъ, ушелъ и онъ, и надъ заливомъ спустилась глубокая тишина. Морскія птицы, вѣроны, вороны, пустельги и голуби вернулись опять въ свои гнѣзда. Лишь соколы не рѣшались вернуться въ гнѣздо. Уже стемнѣло, когда они побѣдили свой страхъ и вошли.

Соколиха впорхнула въ гнѣздо первая, соколъ же все еще въ безпокойствѣ выписывалъ круги на фонѣ неба. Внезапно молчаніе нарушилъ пронзительный крикъ соколихи — крикъ, преисполненный радости. Соколъ упалъ, словно подстрѣленный, съ неба, нырнулъ въ пещеру и остановился, какъ вкопанный, пристально глядя изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

Всѣ три яйца, нетронутыя, цѣлыя, въ полномъ порядкѣ, были на мѣстѣ, даже въ прежнемъ положеніи. Но ни онъ ни его подруга никогда не узнали, какъ произошло это чудо.

.....

— Знаешь, — рассказывалъ естествоиспытатель своей женѣ спустя два мѣсяца: — я наблюдалъ ихъ такъ долго, начиная со времени спариванья, разумѣется, черезъ бинокль, — что я чувствовалъ себя отчасти отвѣтственнымъ за нихъ. Поэтому, услыхавъ, какъ агенты коллекціонера сговаривались въ кофейной гостиницы обокрасть на слѣдующій день гнѣздо, я счелъ себя въ правѣ сыграть съ ними шутку. Я раздобылъ у главнаго лѣсничаго лорда Линкэрна три самыхъ круглыхъ фазаньихъ яйца, раскрасилъ ихъ такъ, чтобы они какъ можно больше походили на соколиныя яйца, и положилъ ихъ въ гнѣздо передъ самымъ приходомъ грабителей. Яйца же соколовъ я захватилъ съ собой. Потомъ я залегъ въ терновникъ, чтобы прослѣдить, что произойдетъ. О, что это была за потѣха!

Надо было слышать, какъ они хохотали отъ удовольствія, что имъ удалось обойти законъ и обокрасть соколиное гнѣздо. Ха-ха-ха! Но когда они ушли и я положилъ обратно настоящія яйца, я самъ хохоталъ до слезъ, чуть не свалился со скалы. И, конечно, гдѣ-то въ Англии есть коллекціонеръ, заплатившій за мои фазаньи яйца высокую цѣну, который съ большой гордостью показываетъ теперь ихъ, если только кра-ска еще не слѣзла!

— А что же случилось съ соколами потомъ?—спросила его жена.

— О, изъ перваго яйца вылупился четырнадцатаго мая сердитый, бѣлый, пушистый бѣсенокъ, наслѣдникъ дома Соколовъ, а пять дней спустя вылупились и остальные.

При продажѣ съ аукціона орнитологической коллекціи эсквайра Л. В. А. Хэмбольда, въ официальной описи значилось:

§ 1. Три прекрасно сохранившихся соколиныхъ яйца. Единственный комплектъ, типа неизвѣстнаго дотолѣ среди коллекціонеровъ. За рѣдкость свою были высоко цѣнимы ихъ покойнымъ собственникомъ.

Съ англійскаго

М. Гельсингіусъ.

* * *

Цвѣтутъ фіалки подъ кустами,
И сѣрый фонъ сухой листвы,
Какъ бархатъ, тонетъ въ яркой
рамѣ

Цвѣтовъ и молодой травы.

Въ оврагахъ снѣгъ еще бѣлѣетъ,
Еще озера кое-гдѣ
Въ сырыхъ низинахъ голубѣютъ,
И блещетъ солнце на водѣ.

Еще березы не одѣты,
Но запахъ почки налитой
Въ весеннемъ воздухѣ нагрѣтомъ
Стоитъ смолистою волной.

И въ синевѣ небесной звонко,
Какъ гимнъ свободѣ и веснѣ,
Несется пѣсня жаворонка,
Звенить и таетъ въ вышинѣ.

Цвѣтутъ фіалки подъ кустами,
И такъ наряденъ, такъ красивъ
Въ зеленой бархатистой рамѣ
Весеннихъ красокъ переливъ.

О. Жукъ.

Тягальщикъ въ русскихъ шахтахъ. (Съ картины Н. Касаткина).

Герои-рудокопы.

IV.

Въ Сѣверной Америкѣ, въ копи св. Павла въ Черри, въ штатѣ Иллинойсѣ, произошло страшное несчастье, потрясшее сердца всѣхъ американцевъ. Въ субботу, 13-го ноября 1909 г., въ копи загорѣлась отъ факела охалка сѣна. Потомъ, благодаря тому, что во-время не было принято должныхъ мѣръ, загорѣлась сама копь, и скоро показалось пламя въ вентиляціонной шахтѣ и въ вентиляціонномъ проходѣ.

Въ Черрійской копи было три пласта угля, изъ которыхъ разрабатывались только два нижнихъ пласта, такъ называемые второй и третій пласты. Около трехсотъ рабочихъ работало во второмъ пласту, лежащемъ на глубинѣ трехсотъ двадцати-пяти футовъ подъ землею. Двѣсти человекъ работало въ третьемъ пласту, лежащемъ футовъ на двѣсти ниже второго. Пламя вспыхнуло во второмъ пласту.

Андрью Леттсонъ, юноша-американецъ, однимъ изъ первыхъ въ третьемъ пласту понялъ всю опасность пожара. Онъ побѣжалъ по лѣстницѣ во второй пластъ и поднялъ люкъ. Нѣкоторые рабочіе ушли со своихъ мѣстъ, и Леттсонъ увидѣлъ, что хотя онъ можетъ, можетъ-быть, выбраться, но че-

резь секунду пламя въ вентиляціонномъ проходѣ и шахтѣ уже отрѣжетъ путь къ бѣгству. Онъ повернулся и осторожно вернулся внизъ, гдѣ попросилъ погонщика муловъ Томаса Гьюитта пойти предупредить его отца, брата и тѣхъ, кто съ ними, а самъ бросился къ другимъ остававшимся товарищамъ, чтобы какъ можно скорѣе увести ихъ къ главной шахтѣ.

Говоря объ этомъ впоследствии, Леттсонъ, отвергая похвалы, сказалъ: „Ну что же: у меня былъ путь къ спасенію,—такъ я подумалъ, что надо и другимъ дать возможность спастись“.

Когда Леттсонъ, Гьюиттъ и ихъ товарищи вернулись къ шахтѣ, рабочіе столпились здѣсь и дико боролись въ удушливомъ дыму, окружавшемъ теперь нижній конецъ лѣстницы третьяго пласта. Каждый старался первымъ взобраться на лѣстницу, ища спасенія. Гьюиттъ и Броунъ возстановили порядокъ и отправили ихъ одного за другимъ наверхъ. Леттсонъ повелъ ихъ сквозь нависшій дымъ. Броунъ сказалъ: „Я не слышу сигналовъ сверху. Лучше поднимайтесь по лѣстницѣ воздушной шахты“. Но лѣстница воздушной шахты уже пылала надъ вторымъ пластомъ.

Гьюиттъ послѣднимъ изъ живыхъ ушелъ изъ третьяго пласта. Онъ и находившіеся впереди его уговаривали Бруна послѣдовать за ними, но онъ спокойно стоялъ на днѣ шахты, окруженный чернымъ дымомъ и ужасомъ пожара.

— Я не уйду, пока всѣ не выберутся изъ этой копи,—сказалъ онъ.

Эти слова, вышедшія изъ сердца, сила котораго не поддается описанію, были послѣднимъ звукомъ, поднявшимся изъ глубины.

Леттсонъ и Гьюиттъ не знаютъ точнаго числа рабочихъ въ своей партіи; ихъ было, вѣроятно, человѣкъ двѣнадцать-четырнадцать. Наверху, во второмъ пласту, они вошли въ дымъ и огонь. Одни пошли въ одну сторону, другіе—въ другую. Не заботясь о своей собственной безопасности, штейгеры, Вальтеръ Уэть, Джорджъ Эдди и Бунди, обѣжали по всѣмъ закоулкамъ второго пласта, крича: „Бѣгите! Бѣгите скорѣй!“

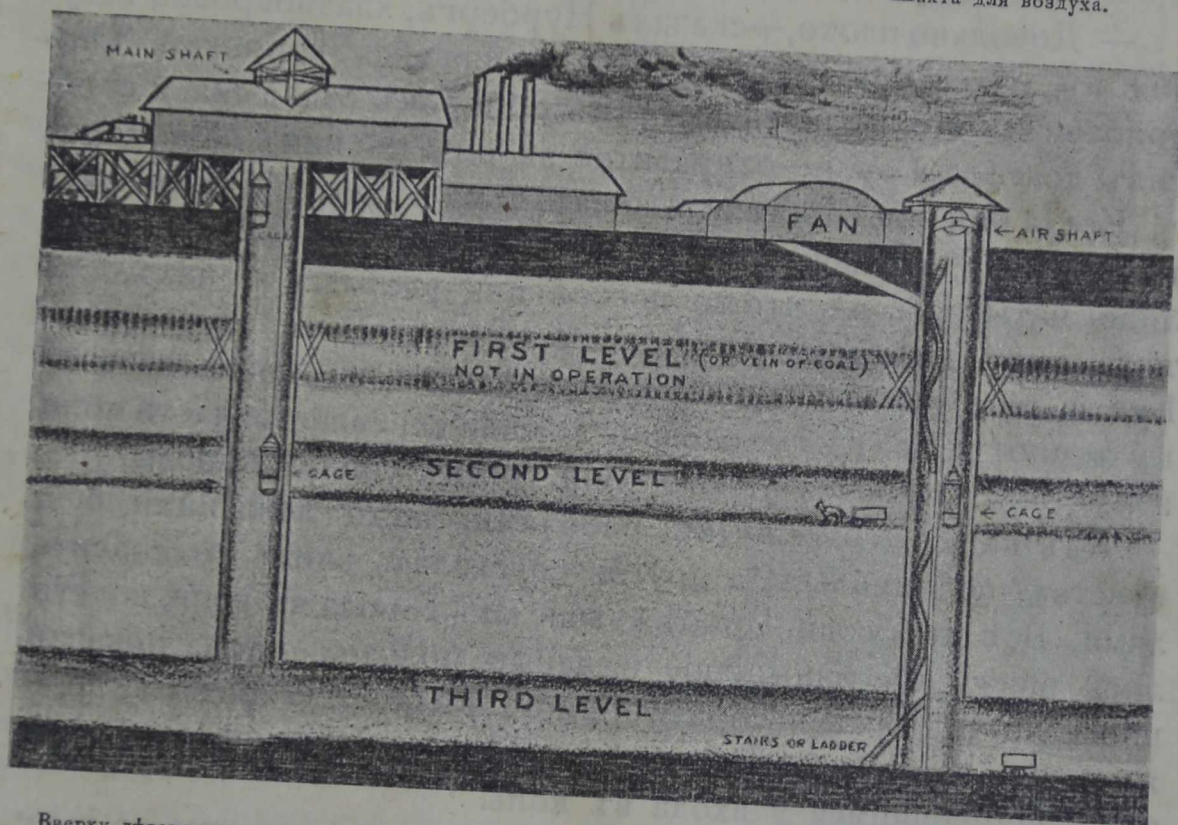
Разобравъ среди тьмы и дыма, что происходитъ, рабочіе второго пласта толпами шли изъ штоленъ и выходовъ и тѣснились въ проходахъ, ведущихъ къ основанію главной шахты.

Когда Новеріо, молодой рабочій-итальянецъ, вошелъ въ проходъ вмѣстѣ съ Гьюиттомъ и Леттсономъ, проходъ былъ заполненъ дымомъ, загроможденъ вагонетками, свалившимися

мулами и людьми, съ плачемъ лежавшими лицами внизъ. Тотъ зетти, другой итальянецъ, находившійся впереди его, прокричалъ, что надежды нѣтъ, бросился на землю и зарыдалъ. Новеріо прокричалъ шедшимъ за нимъ, чтобы они мужались и шли впередъ. И они пробивались впередъ, задыхаясь, пускаясь бѣжать, карабкаясь черезъ павшихъ муловъ и поверженныхъ, плачущихъ людей, пока имъ не удалось добраться до главной шахты, сѣсть въ подъемную клѣтку и достигнуть земли.

Главная шахта.

Шахта для воздуха.

Вентиляторъ.

Въ серединѣ праваго колодца (шахты) подымается къверху клѣтка съ углемъ или людьми.

Вверху лѣваго колодца (шахты) видна клѣтка, подымающаяся навѣрхъ съ углемъ или людьми. Внизу спускается другая клѣтка.

Слѣва видна винтовая лѣстница, ведущая на поверхность.

Леттсонъ стоялъ на поворотѣ прохода, со свѣчей въ рукѣ, и освѣщаль путь другимъ. Другой углекопъ, Виккерсъ, стоялъ на другомъ поворотѣ, свѣтя товарищамъ, пока не погасла его свѣча. Кто-то далъ ему другую, но и она потухла. Тогда другой рабочій далъ ему фонарь въ то мгновеніе, когда Виккерсъ уже готовъ былъ упасть, обезсиленный дымомъ. Ему удалось повѣсить этотъ фонарь на гвоздь, а затѣмъ, гонимый впередъ клубами дыма, онъ, въ полумертвомъ состояніи, по наполненному дымомъ, проходѣмъ добрался до шахты. Когда онъ тамъ едва не упалъ въ обморокъ, кто-то коснулся его

Первый пластъ угля.

Второй пластъ угля.

Третій пластъ угля.

руки. Какой-то голосъ сказалъ: „Возьми меня за руку, братья!“ Кто-то, невидимый имъ, повлекъ его впередъ; и онъ очнулся лишь тогда, когда лежалъ наверху, гдѣ сіялъ бѣлый день.

Здѣсь тѣмъ временемъ мужчины, женщины и дѣти сбѣгались, въ страшной тревогѣ, къ устью шахты.

Докторъ Гоу однимъ изъ первыхъ достигъ шахты въ ту минуту, когда Нурбергъ, помощникъ начальника третьяго пласта, поднявшійся, чтобы отдать приказаніе о прекращеніи вентиляціи, входилъ въ клѣтку.

— Какъ идутъ дѣла внизу?—спросилъ докторъ.

— Довольно плохо,—сказалъ Нурбергъ, хладнокровно вступая въ маленькую клѣтку надъ дымящейся воронкой. Онъ прибавилъ, что люди падаютъ въ обморокъ отъ дыма, и спросилъ доктора Гоу, не отправится ли онъ къ нимъ на помощь.

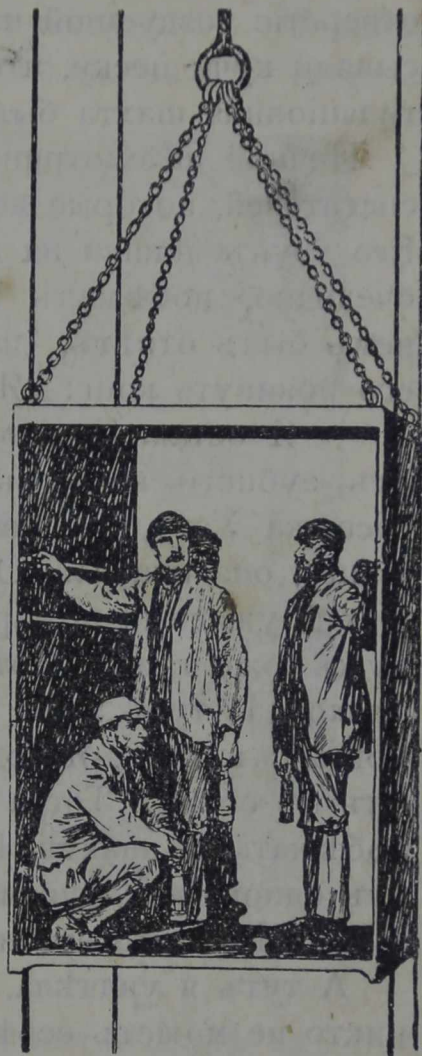
Когда они оба спустились внизъ, тьма и смятеніе тамъ были такъ велики, что докторъ Гоу могъ узнать, гдѣ лежатъ люди, лишь натыкаясь на что-то мягкое или ударяясь о нихъ. Эти тѣла онъ тащилъ къ клѣткѣ и бросалъ въ нее. Нурбергъ и Бунди, двое управляющихъ копью, искали и окликали людей въ темнотѣ. Надъ ихъ головами горѣли деревянные части копи, а мѣстами слышался угрожающій трескъ горной породы.

Клѣтка со спасенными рабочими, часто лежащими безъ чувствъ, поднималась, а другая спускалась внизъ со спасителями. Всѣ эти люди, прибѣжавшіе изъ города въ копи, спустились внизъ въ ближайшіе ужасные полчаса, часъ, показавшіеся ни съ чѣмъ несоразмѣрною вѣчностью людямъ, пережившимъ эти минуты, и объятымъ ужасомъ женщинамъ и дѣтямъ, собравшимся у входа въ копь.

Спускавшіеся спасители попадали прямо въ шумную тьму, и дымъ и галдѣніе на разныхъ языкахъ, раздававшееся изъ всѣхъ концовъ второго пласта. У подножья шахты Иванъ Забрисскій оставался на своемъ посту, помогая товарищамъ подниматься. Тамъ же видѣли и Чарльза Уэта и Джемса Стюарта, подававшихъ наверхъ сигналы. Спасители кричали въ глубину копи указанія, какъ можно спастись, или забѣгали далеко въ пылавшіе коридоры и вытаскивали людей изъ подавляющаго мрака, полного криковъ всѣхъ тѣхъ, кто не понималъ по-англійски: литовцевъ, нѣмцевъ, французовъ, поляковъ и итальянцевъ; всѣ эти люди могли только рваться впередъ сквозь пекло, испуская вопли и оставаясь глухими ко всѣмъ словеснымъ указаніямъ англичанъ.

Пережившіе это несчастіе особенно вспоминали громкіе голоса и мощныя руки рослыхъ англичанъ и шотландцевъ: Бунди, Стюарта, Сперса, Флода и Кларка, а также силу Нурберга, въ то время, когда тѣ бѣгали и кричали, спасая товарищей. Но едва ли остальные работали менѣе ихъ.

Докторъ Гоу, поднявшійся съ Розенджакомъ и Эдди, когда спускалась послѣдняя клѣтка, побѣждалъ въ машинное отдѣленіе и неистово сталъ требовать отъ машиниста Каули, чтобы тотъ немедленно поднялъ и другую клѣтку. Но Каули не рѣшался поднять ее безъ сигнала снизу. Тутъ послѣдняя клѣтка подала сигналъ медленнаго подъема: четыре звонка, затѣмъ одинъ звонокъ—остановка, наконецъ, два звонка—спускать. Послѣдовали дикіе, бессмысленные сигналы. Затѣмъ раздалось два звонка: опять спускать внизъ. Испортилась ли сигнализациа? Что это значало? Люди въ машинномъ отдѣленіи, которые, едва дыша, слушали сигналы, уговаривали Каули поднять клѣтку, но послѣдній сигналъ, полученный имъ снизу, требовалъ спуска ея. Со времени начала спуска спасателей промежутки между опусканіемъ отдѣльныхъ клѣтокъ не превышали шести минутъ. Послѣ промежутка, показавшагося однимъ свидѣтелямъ не короче двѣнадцати минутъ, а другимъ—въ полчаса, Каули поднялъ клѣтку безъ сигнала. Въ ней оказалось двѣнадцать человѣкъ. Двое изъ нихъ были несчастные, повидимому, бросившіеся въ клѣтку, какъ только она достигла дна, люди безсемейные, неизвѣстные въ городѣ, такъ что личность ихъ была установлена лишь много недѣль спустя. Остальные были десятеро спасателей: Доминикъ Форменто, Робертъ Кларкъ, Джонъ Бунди, Александръ Нурбергъ, Генри Стюартъ, Андрью Макъ Ключи, Айкъ, Льюисъ, Джемсъ Сперсъ, Иванъ Забрисскій и Джонъ Флодъ. Всѣ они заживо сгорѣли. Ихъ, по недоразумѣнію, опустили внизъ въ самое пламя.

Клѣтка для спуска въ шахты.

По главной шахтѣ послѣ этого не спускали больше никого. Обѣ шахты были наполнены непроницаемымъ дымомъ и пламенемъ. Спасено было около восьмидесяти человѣкъ. Пропала всякая надежда на спасеніе остальныхъ двухсотъ шестидесяти трехъ рабочихъ, оставшихся во второмъ пласту, и ста шестидесяти лицъ, находившихся въ третьемъ.

Поняли, что единственная слабая возможность сохраненія ихъ жизни заключалась въ заглушеніи пламени. Поэтому отверстіе воздушной шахты заложили досками, а на нихъ насыпали кучи песку, чтобы не пропускать внизъ воздуха. Вентиляціонная шахта была также закупорена.

Ночной надсмотрщикъ Чарльзъ Уэтъ былъ въ числѣ тѣхъ спасателей, которые вовсе не вернулись изъ второго пласта. Его трупъ нашли на дорогѣ, далеко отъ шахты, куда онъ, очевидно, побѣжалъ на помощь. Послѣднимъ извѣстіемъ о немъ былъ отвѣтъ, данный имъ лицу, которое уговаривало его покинуть копь: „Я останусь съ прочими“.

— Я оставила своего мужа послѣ полудня дома. Выйдя отъ зубного врача, къ которому я ходила, — рассказываетъ госпожа Уэтъ, — я увидѣла госпожу Нурбергъ, идущую по улицѣ; она плакала. Она говорила: „Охъ, говорятъ, что въ шахтѣ ужасный пожаръ... и говорятъ... говорятъ, будто мой мужъ тоже тамъ“. Я отвѣтила: „Ну, дѣло не можетъ быть такъ плохо“. И тутъ меня охватила боязнь, что, можетъ-быть, и мой мужъ тамъ. Я подумала: „Боже! Да, вѣдь, не пойдетъ же онъ въ огонь“. Тогда я уже не могла удержаться, чтобы не побѣжать къ шахтѣ. Придя туда, я ходила взадъ и впередъ, отъ одного къ другому, спрашивая всѣхъ, не видали ли моего мужа. Но никто его не видалъ.

А тутъ я увидѣла, что воздушную шахту закрыли. Ахъ, никто не можетъ себѣ представить, какой ужасъ охватилъ въ это время всѣхъ насъ, матерей и дѣтей! Никто не можетъ себѣ представить, что это было, кромѣ самихъ матерей и дѣтей, стоявшихъ тамъ“.

Послѣ полудня въ день катастрофы Вальтеръ Уэтъ и Джорджъ Эдди зашли слишкомъ далеко въ копь, предостерегая товарищей, и, наконецъ, увидѣли, что имъ нѣтъ пути назадъ въ шахту. Обѣ ихъ партіи встрѣтились; Уэтъ и Эдди повели ихъ по единственной оставшейся дорогѣ къ главной шахтѣ. Они шли во все болѣе сгущавшемся воздухѣ. Тутъ

Уэтъ и Эдди, шедшіе впередъ, увидѣли, какъ еще дальше впереди упали мертвыми отъ отравленнаго воздуха три мула.

Уэтъ обернулся и спокойно сказалъ Эдди: „Мы попали въ мышеловку. Не надо, однако, говорить ребятамъ про этихъ муловъ“. Онъ повелъ рабочихъ обратно въ проходъ, изъ котораго они вышли и гдѣ воздухъ былъ какъ будто чище; тамъ онъ сѣлъ, зажегъ трубку и закурилъ. Нѣкоторые рабочіе также закурили, ободренные его хладнокровіемъ. Ихъ было девятнадцать человѣкъ, — англичанъ, французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, шотланцевъ, американцевъ, поляковъ и литовцевъ.

Забойщики.

Съ этого момента Уэтъ какъ-то естественно сталъ ихъ руководителемъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, нѣжнаго тѣлосложенія, съ глубокими карими глазами, полными религіознаго воодушевленія.

Онъ—горячо вѣрующій пресвитеріанецъ, штейгеръ по профессіи. По происхожденію онъ англичанинъ, родившійся въ Динскомъ лѣсу и выросшій въ Иллинойсѣ, гдѣ онъ двадцать лѣтъ добывалъ уголь.

Сидя съ трубками въ этомъ проходѣ, гдѣ воздухъ былъ чище, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, этотъ отрядъ услыхалъ, что поблизости кричатъ. Эдди пошелъ по тому направленію и при-

тащилъ еще двоихъ рабочихъ, Уайта и Лоримера, чуть не задохнувшихся отъ черного газа.

По настоянію Уэта и Эдди, эти двадцать одинъ человекъ остались тутъ, въ болѣе чистомъ воздухѣ, до полуденныхъ часовъ слѣдующаго дня, воскресенья.

Воздухъ все портился; отчаяніе рабочихъ все росло.

Ласти, итальянецъ изъ Болоньи, къ утру воскресенья впалъ въ буйное помѣшательство. Онъ схватилъ свое тяжелое рудничное ведро, бѣшено сплющилъ его руками въ комокъ, швырнулъ имъ о каменную стѣну и началъ топтать его ногами. „Никогда больше не стану употреблять тебя, ни въ одной шахтѣ!“ дико кричалъ онъ.

Послѣ полудня французъ, Леопольдъ Дюмонъ, сказалъ, что они умрутъ, если будутъ сидѣть здѣсь дольше, и убѣжалъ.

Вскорѣ затѣмъ усилился притокъ черного газа, и они всѣ пошли дальше, подъ руководствомъ Вальтера Уэта, шедшаго назадъ съ Даномъ Голафсекомъ, старымъ литовцемъ, который былъ страшно истощенъ. Нѣсколько минутъ спустя къ нимъ вернулся полумертвый, задыхающійся Дюмонъ. У несчастнаго француза не хватило силъ еще разъ пройти вмѣстѣ съ остальными сквозь слой встрѣченнаго имъ дурного воздуха, чтобы достигъ убѣжища, къ которому направлялъ ихъ Уэтъ по трудному переходу. Онъ вскорѣ испустилъ послѣднее дыханіе, и товарищамъ пришлось оставить его мертвымъ на пути.

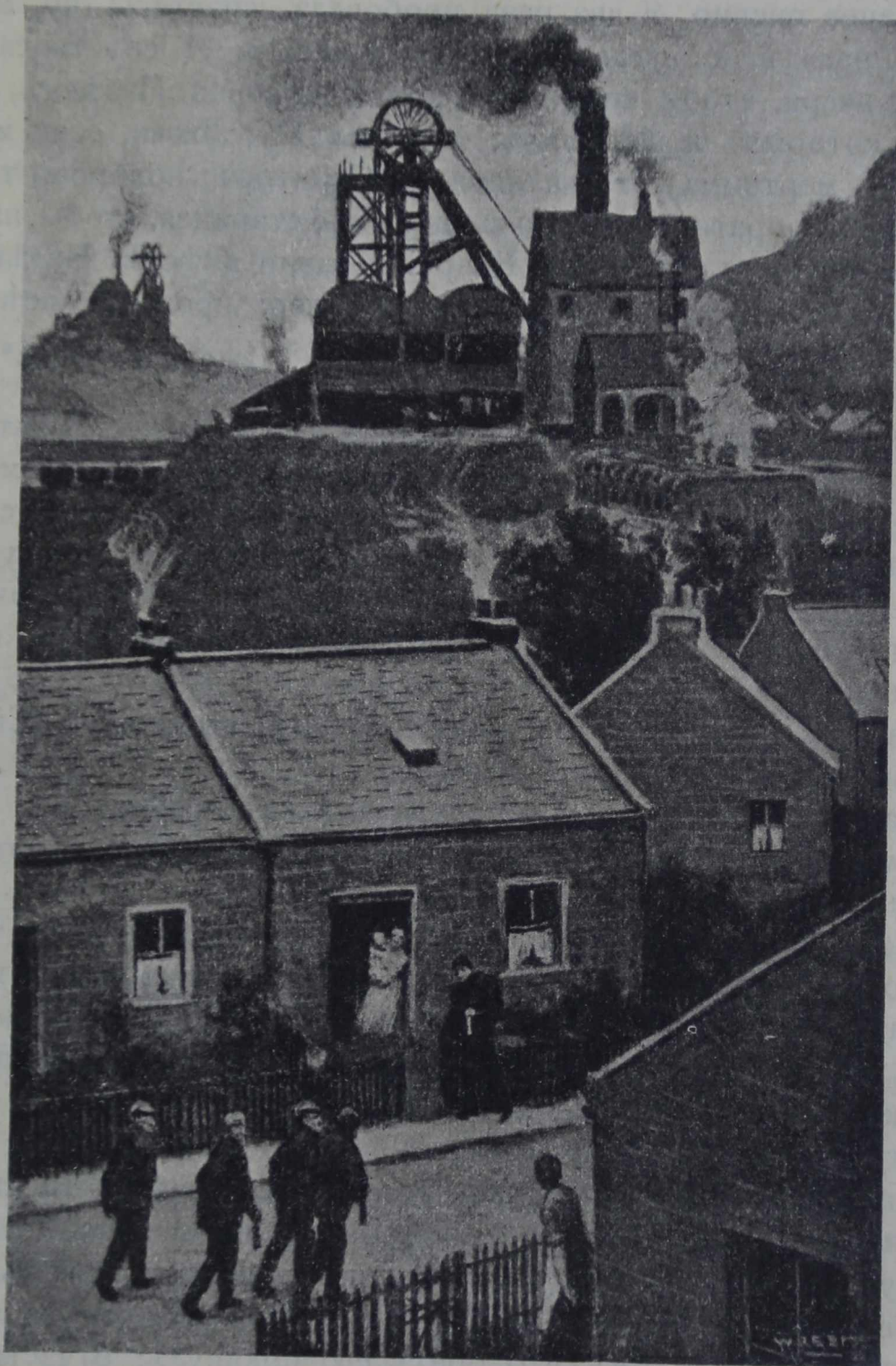
Достигнувъ мѣста, гдѣ воздухъ былъ менѣе удушливъ, Вальтеръ Уэтъ предложилъ устроить перегородку, чтобы сохранить найденный болѣе свѣжій воздухъ. Въ проходѣ, состоявшемъ отъ главной шахты приблизительно на три тысячи пятьсотъ футовъ, эти двадцать человекъ замуравили себя въ тюрму, имѣвшую около пятисотъ футовъ въ длину, девять футовъ въ ширину и пять въ высоту.

До этого казалось, что никто не останется живымъ въ воздухѣ, настолько насыщеннымъ чернымъ газомъ, что въ немъ гасли масляныя лампы. На другой день послѣ полудня, даже въ загражденномъ помѣщеніи погасли всѣ лампы, кромѣ угольныхъ.

„Послѣ этого,—говорилъ Джорджъ Эдди, рассказывая о своемъ заключеніи,—мы поняли, что намъ оставалось только умереть. Говорили, что черный газъ не причиняетъ страданій. Мы думали, что просто заснемъ тамъ“.

Всѣ написали письма своимъ роднымъ.

Вотъ письмо Джорджа Эдди:

Поселокъ рудокоповъ.

14-го ноября.

„Дорогія жена и дѣти!

Я пишу вамъ эти нѣсколько строкъ и думаю, что это мое послѣднее письмо. Я два раза пробовалъ спастись; но меня гнало назадъ. У насъ уже нѣтъ надежды. Я спустился въ шахту вчера, чтобы помочь спасти товарищей. Надѣюсь, что люди, которыхъ я вытащилъ, спасены. Ну, Лиззи, если меня найдутъ мертвымъ, отвези меня въ Стриторъ, похорони тамъ и вернись обратно. Насколько можешь, старайся, чтобы наши дѣти—Эсѳиръ и Дженни и Кларенсъ жили вмѣстѣ. Надѣюсь, что они не забудутъ своего отца, а теперь прощайте всѣ; да благословитъ васъ Господь!

Джорджъ Эдди“.

Вскорѣ послѣ того, какъ написаны были письма, Вальтеръ Уэтъ предложилъ всѣмъ помолиться за умершаго Дюмона, протестантамъ прочитать свои молитвы, а католикамъ — свои. Тогда англичане, шотландцы и американцы собрались въ кучку, Уэтъ помолился за ихъ усопшаго товарища, а затѣмъ прочелъ молитву о спасеніи живыхъ. Католики же, собравшись, читали „Отче нашъ“.

Затѣмъ Вальтеръ Уэтъ запѣлъ религіозный гимнъ „Скалу вѣковъ“, и всѣ запѣли съ нимъ.

Католики совершенно не знали этого гимна, но пѣли всѣ. Затѣмъ они спѣли „Ближе къ Тебѣ, о Господи!“ а потомъ стали пѣть все, что знали.

Пока они могли видѣть другъ друга, было еще не такъ плохо. Однако, во вторникъ, погасли и угольные лампы, и настала полная тьма. Всѣ потеряли надежду, кромѣ Вальтера Уэта. По временамъ онъ, поддерживая въ товарищахъ духъ, окликалъ всѣхъ по именамъ: „Вы не спите? Какъ вы себя чувствуете? Какъ вы поживаете?“

Самый младшій изъ нихъ, мальчикъ восемнадцати лѣтъ, Джузеппе Больфилюла, все время плакалъ, и Уэтъ не могъ его утѣшить. Его старшій братъ, погонщикъ, убѣждалъ, покинувъ его въ пламени; и Джузеппе стоналъ день и ночь, отчасти горюя о томъ, что братъ его покинулъ, отчасти съ тоски по немъ.

Литовецъ Брахаскій постоянно насвистывалъ что-то, чтобы подбодрить себя. Это былъ молодой человекъ, женатый и имѣвшій двоихъ дѣтей. Насвистываніе Брахаскаго дѣйствовало всѣмъ на нервы. Всѣ кричали ему: „Эй! перестань!“

Одинъ англичанинъ попытался сломать перегородку и убѣжать. Если бы онъ могъ это сдѣлать, то ворвавшійся черный газъ убилъ бы его самого и всѣхъ остальныхъ, но его удержали.

Единственную пищу этихъ двадцати человекъ составляло небольшое количество топленого свиного сала, немного масла, называемаго „солнечнымъ свѣтомъ горнорабочаго“, и табакъ, оказавшійся у нихъ въ карманахъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ черный газъ подавляетъ чувство голода. Поэтому, нѣсколько рабочихъ едва ли ощущали недостатокъ питанія. Другіе сильно мучились. Уэтъ еще не пообѣдалъ, когда начался пожаръ, такъ что былъ безъ пищи долѣе другихъ, почему и страдалъ сильнѣе. Онъ переносилъ настоящую пытку.

Разъ какъ-то онъ сказалъ товарищамъ, что хотѣлъ бы имѣть связку банановъ, которые какъ-то пробовалъ въ Чикаго. Всѣ убѣдительно стали просить его не говорить о нихъ. Но это былъ любимый рассказъ Вальтера Уэта, и онъ продолжалъ рассказывать, какъ онъ услышалъ голосъ продавца итальянца, кричавшаго: „Бананы, десять центовъ дюжина!“ Онъ далъ итальянцу десять центовъ, и тотъ счетомъ сталъ класть плоды въ мѣшокъ: „Два, четыре, шесть, десять, двѣнадцать“. Когда Уэтъ открылъ мѣшокъ, въ немъ было только десять банановъ, но все равно онъ моментально съѣлъ ихъ всѣ. При этомъ всѣ снова начинали ворчать и просили его не упоминать объ этихъ десяти бананахъ.

Рассказывая мнѣ это впослѣдствіи, Уэтъ улыбался самой милой, самой веселой улыбкою. Онъ старался развеселить ихъ, повторяя любимый рассказъ въ самой пасти смерти.

Двадцать несчастныхъ страдали не только отъ голода, но и отъ холода. Въ то время, которое они называли ночью,—они опредѣляли время, нащупывая стрѣлки своихъ часовъ,—они спали въ трехъ плотно сдвинутыхъ кучкахъ, чтобы согрѣться.

Но еще худшею пыtkoю для этой партіи была жажда. Послѣ перваго дня люди испытывали ужаснѣйшія муки отъ недостатка воды. Обойдя ошупью свою тюрьму, Уэтъ нашель, что мѣстами со стѣнъ капало немного воды. Онъ предложилъ товарищамъ выдолбить углубленія въ полу. Выкопали пять такихъ ямокъ. За двѣнадцать часовъ въ нихъ набиралось меньше полукварты воды на человека. Они пили эту воду по очереди, несмотря на то, что она была полна мелкихъ частицъ угля, и они глотали ее, едва не давась ею.

Тутъ случилось нѣчто скверное. Нѣсколько человекъ, подойдя въ свою очередь къ указаннымъ ямкамъ, убѣдились, что онѣ вылизаны досуха. Подъ покровомъ тьмы кто-то изъ двадцати укралъ набѣжавшую воду.

Во вторую очередь послѣ того, какъ обманомъ выпили его ямку, Джорджъ Эдди, по своей слабости могшій только ползати, подползъ къ своему водохранилищу. Воръ лежалъ тамъ, опередивъ его. Это былъ одинъ изъ литовцевъ. Въ первую минуту одинъ изъ углекоповъ хотѣлъ убить его, но сдержался.

Послѣ этого за литовцемъ слѣдили, и онъ получалъ только свою долю.

Къ пятницѣ отчаяніе усилилось. Даже Уэту, хотя онъ до послѣдней минуты не терялъ надежды, пришла мысль, что они живо погребены. Въ одномъ мѣстѣ его дневника, проникнутаго мужествомъ, вѣрой и воодушевленіемъ и показаннаго мнѣ его женою, онъ говоритъ, что сердце его готово разбиться, но онъ постоянно ободрялъ другихъ, стараясь передать имъ свою увѣренность въ томъ, что тѣ, кто наверху, стараются спасти ихъ. Онъ говорилъ товарищамъ: „Намъ лучше, чѣмъ верхнимъ: мы вѣдь знаемъ, что мы живы, а они этого не знаютъ“. Онъ говорилъ также: „Не унывайте, мы имъ устроимъ такой сюрпризъ, какого у нихъ еще не бывало!“

Въ субботу утромъ, когда четверо изъ товарищей уже едва ползали, Уэтъ, положивъ руку на перегородку, отдѣлявшую ихъ отъ остальной шахты, почувствовалъ надъ загородкой свѣжій воздухъ. Онъ вызвалъ четверыхъ, желающихъ выйти за водой и кстати испробовать воздухъ. Они должны были немедленно вернуться, если бы почувствовали себя дурно. Другая смѣна должна была слѣдовать за первыми четырьмя рабочими, броситься впередъ и оттащить ихъ обратно за перегородку, если бы они потеряли сознание отъ чернаго газа. Уэтъ, старикъ Голафсекъ и наиболѣе слабые люди встали у самага выходнаго отверстія. Было условлено, что, найдя въ опредѣленномъ мѣстѣ чистый воздухъ и убѣдившись въ возможности спасенія, первые четверо вышедшихъ свистнутъ два раза.

Уэтъ, Голафсекъ и остальные безконечно долго простояли въ ожиданіи у загородки. Наконецъ, во мракѣ раздались два свистка.

Люди у загородки, обезумѣвъ отъ радости, прокричали новость товарищамъ, находившимся за ними. Нѣкоторые изъ

нихъ отправились ползкомъ по проходу. Они все еще находились въ такомъ воздухѣ, въ которомъ немедленно задохлись бы люди, пришедшіе со двора. Время приучило ихъ легкія къ недостатку кислорода. Три часа спустя послѣ того, какъ первые четверо людей покинули загороженное пространство, Вальтеръ Уэтъ вдругъ увидѣлъ впереди два приближавшихся огонька.

Огоньки свѣтились все ближе. Ихъ несли люди въ спасательныхъ каскахъ съ кислородомъ. Уэтъ и его отрядъ были спасены.

V.

Въ 1877 году въ англійскихъ угольныхъ копяхъ былъ длинный рядъ несчастныхъ случаевъ. Но случай въ Тайнвидскихъ копяхъ—единственный въ своемъ родѣ въ исторіи добыванія угля.

11-го апрѣля 1877-го года, когда только-что окончилась работа и углекопы направлялись къ шахтѣ для выхода, внезапно послышался страшный шумъ несущейся воды, и въ одно мгновеніе подземные проходы превратились въ бурные потоки, при чемъ вода, какъ позднѣе описывалъ одинъ изъ рабочихъ, врывалась въ копи „подобно взволнованному морю, бьющемуся о бурные берега“.

Наводненіе произошло благодаря внезапному и неожиданному соединенію этихъ копей съ Саймарскими копиями, которыя были полны воды.

Рабочіе добрались до входной шахты и были оттуда подняты на поверхность земли. Однако, при перекличкѣ оказалось, что не хватаетъ четырнадцати мужчинъ и мальчиковъ.

Гдѣ же были эти люди?

Пятеро изъ нихъ добрались по отдушинѣ до мѣста, расположеннаго футовъ на шесть выше уровня воды, извѣстнаго подъ названіемъ Подъема.

Было сравнительно легко добраться до этихъ людей, такъ какъ мѣсто, въ которое ихъ загнало наводненіе, отдѣлялось отъ верхней штольни стѣною угля всего въ 36 футовъ толщины. Для того, чтобы освободить засыпанныхъ, нужно было только пробить узкій проходъ сквозь этотъ пласть.

И партія углекоповъ спустилась въ копь для спасенія несчастныхъ товарищей. Они увидѣли, что хотя шахта и свободна, но узкія галереи полны воды. Не обращая вниманія

на трудность, углекопы принялись за работу, при чемъ засыпанные сами способствовали своему освобожденію, пробиваясь навстрѣчу своимъ спасителямъ. Въ четвергъ утромъ, — то есть на другое утро — угольный пласть былъ пробитъ. Въ моментъ освобожденія одинъ изъ заключенныхъ сдѣлалъ своимъ долотомъ отверстіе, въ которое вырвался съ большой силой воздухъ, сжатый давленіемъ водяной поверхности; одинъ рабочій, по неосторожности слишкомъ приблизившійся къ отверстию, былъ подхваченъ точно порывомъ страшнаго вѣтра и съ такой страшной силой отброшенъ къ стѣнѣ, что тотчасъ же умеръ.

Когда освобожденные настолько пришли въ себя, что могли говорить, они сказали, что въ теченіе ночи они слышали стукъ, и что звуки эти доносились какъ будто отъ „Пласта Томаса Моргана“.

Около полудня того же дня и другіе услышали эти стуки. Было ясно, что живые люди погребены тамъ за громадной толщей угля.

Такъ какъ поверхность „Морганова Пласта“ находилась значительно ниже поверхности воды въ затопленныхъ копияхъ, то предположили, что сжатый воздухъ не допустилъ воды въ мѣсто заключенія несчастныхъ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Когда эти заключенные углекопы увидѣли подъ собою сухую почву и почувствовали себя въ кажущейся безопасности, они, охваченные общимъ чувствомъ, всѣ опустились на колѣни и начали молиться, при чемъ пѣли по-валлійски очень подходившій къ этому случаю гимнъ, начинающійся словами:

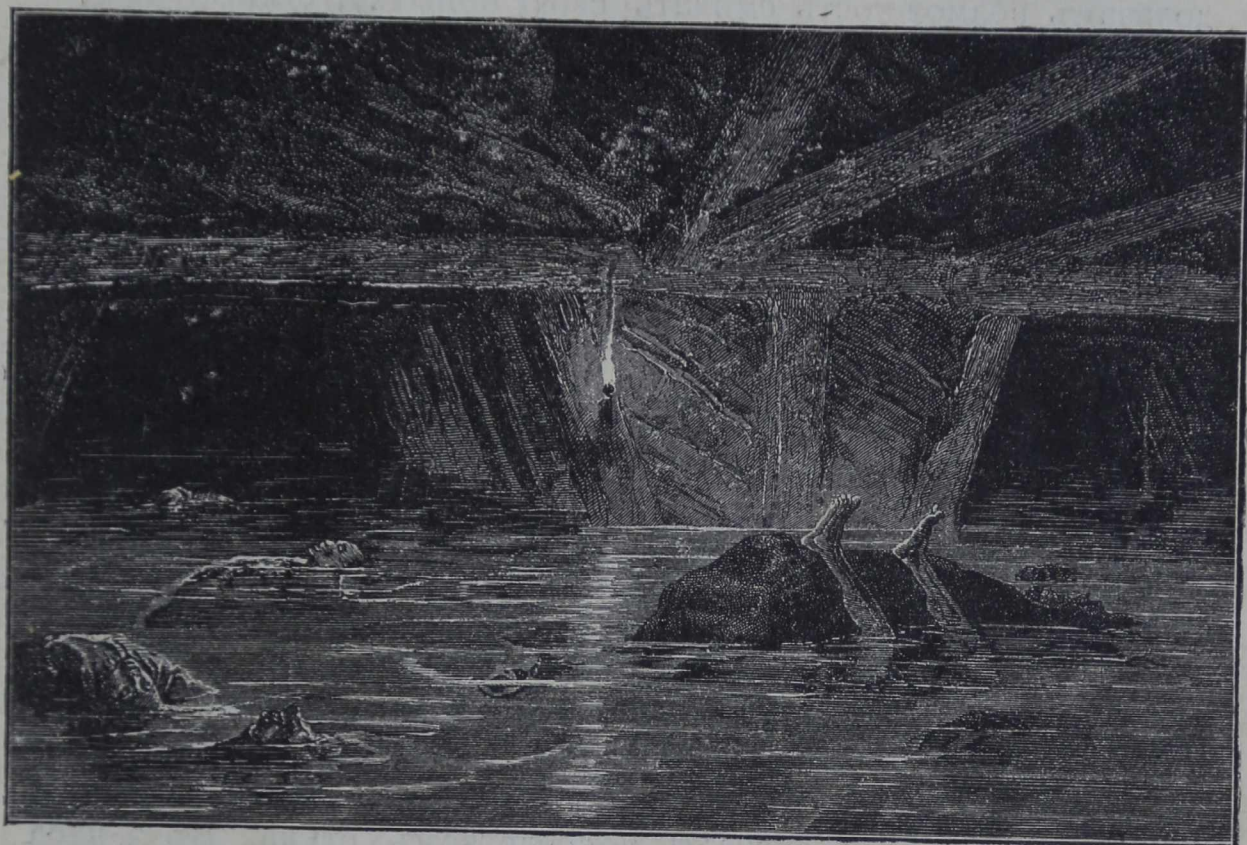
„Въ глубокихъ и мощныхъ водахъ
Никто не могъ поддержать моей головы,
Кромѣ моего единственнаго Спасителя Иисуса“.

Вся Англія содрогнулась отъ ужаса, когда телеграфныя проволоки разнесли извѣстія о судьбѣ этихъ пяти обреченныхъ. Было, дѣйствительно, страшно знать, что пять людей заживо погребены въ большомъ угольномъ подвалѣ и приговорены къ медленной голодной смерти, тогда какъ ихъ друзья все время слышатъ ихъ мольбы о помощи.

Для этихъ пяти человѣкъ уголь былъ крышей, уголь былъ поломъ, изъ угля состояли три стѣны, четвертая же стѣна состояла изъ воды, уступавшей прикосновенію и пригодной для питья, но непроходимой, какъ камень.

Люди эти были погребены заживо! Впереди была вѣрная, но все же далекая смерть. Положеніе ихъ,—заклученныхъ на разстояніи десятки сажень подъ землей, въ черной пещерѣ, наполненной зловоннымъ воздухомъ, лишь съ нѣсколькими свѣчами вмѣсто пищи, съ надеждой, исчезавшей часъ за часомъ,—было такъ ужасно, какъ только можно себѣ представить.

Тѣмъ временемъ спасители работали, напрягая всѣ усилія, чтобы спасти своихъ погребенныхъ товарищей.

Наводненіе въ шахтѣ.

Трудности, съ которыми имъ приходилось бороться, были громадны.

Приблизительно 130 сажень узкой сводчатой галлерей, наполненной водою, отдѣляло ихъ отъ „Пласта Томаса Морганна“. Они пробовали и бросили—одинъ за другимъ различные способы спасенія. Насосы энергично приводились въ дѣйствіе; паровые двигатели были пущены въ работу. Ряды трубъ прокладывались для борьбы съ водою съ чудодѣйственной быстротой, такъ какъ углекопы прилагали къ дѣлу величайшую энергію. Но, трудясь дни и ночи, они все-таки не могли замѣтно понизить уровня воды.

Въ субботу явились новые сотрудники помогать спасителямъ. Два водолаза прибыли изъ Лондона. Они вошли въ воду около 4-хъ часовъ пополудни и надѣялись, что имъ удастся дойти до заключенныхъ. Въ 8 часовъ пополудни они вернулись, найдя невозможнымъ итти дальше, вслѣдствіе встрѣченныхъ препятствій, — вывороченныя рельсы, куски дерева и т. п., на кучи которыхъ они наткнулись, не дойдя до своей цѣли только на 60 саженей.

Выкачиваніе воды, прекращенное для того, чтобы дать водолазамъ возможность сдѣлать свою попытку, было возобновлено и продолжалось съ новымъ усердіемъ въ теченіе воскресенья и слѣдующихъ дней. Рѣшеніе пробить угольный пластъ было принято въ понедѣльникъ 16-го, спустя пять дней послѣ катастрофы. Нужно было пробить 16 саженей, и опасались повторенія того, что было при предыдущемъ освобожденіи, то-есть внезапнаго и сильнаго взрыва сжатаго воздуха: это могло оказаться роковымъ и для спасаемыхъ и для спасителей.

Тѣмъ временемъ весь округъ работалъ изо всѣхъ силъ. Собравшіеся со всей окрестности углекопы изнурились въ усиліяхъ освободить товарищей. Они неистово копали и разъ пробили до 12 футовъ плотной породы въ одну четырехчасовую смѣну.

Во всей исторіи добыванія угля не было случая, вызвавшего столько сочувствія. Постоянно приходили телеграммы съ вопросами о судьбѣ заживо погребенныхъ.

Во вторникъ 17-го было пробито семь саженей, и заключенные подали сигналы посредствомъ стука. Въ 3 часа пополудни въ среду неясно слышались ихъ голоса. Въ это время значительная масса воды все еще находилась надъ пластомъ, въ которомъ они были заключены, благодаря чему дѣло освобожденія было крайне опасно для всѣхъ. Знали, что воздухъ, находившійся подъ давленіемъ воды, вырвется съ большою силой при устраненіи каменноугольной преграды, если не найдется средствъ помѣшать этому, и большая опасность будетъ грозить жизни спасителей.

На ряду съ этой опасностью являлась и другая, еще большая. Когда углекопы были заняты пробуриваніемъ отверстія, произошло сильное выдѣленіе газа, потушившее всѣ предохранительныя лампы. Это былъ самый опасный моментъ для освободителей: если бы предохранительныя лампы не были

въ полнѣйшемъ порядкѣ, и если бы съ ними не обходились заботливо и спокойно, то могъ бы послѣдовать взрывъ.

Послѣ выдѣленія газа исчезла почти всякая надежда найти людей живыми. Тогда владѣлецъ копей Данииль Томасъ, инженеръ механикъ Вильямъ Бисъ, углекопы Исаакъ Прайдъ и Гоуэль добровольно рискнули жизнью ради завершения спасенія. Къ этому времени было выяснено, что заключенные были очень слабы и не могутъ долго прожить. Тогда рѣшили дать выйти сдавленному воздуху посредствомъ просверленныхъ отверстій. То былъ ужасный моментъ: всѣ знали, что вода начнетъ подвигаться, какъ только дадутъ воздуху возможность выйти, и что заключенные могутъ утонуть, если не удастся ихъ быстро вытащить.

Эти наблюденія отчасти оправдались. Пока воздухъ вырывался съ громаднымъ шумомъ, вода начала прибывать, и заключенные въ ужасѣ закричали, что они утонутъ.

Когда давленіе воздуха достаточно уменьшилось, начали разбивать преграду, и заключенные крикнули въ это время, что вода, всего на двадцать дюймовъ не дойдя до ихъ подбородка, перестала подниматься. Это извѣстіе доставило невыразимое облегченіе четверемъ храбрецамъ, продолжавшимъ, съ большой опасностью для собственной жизни свой благородный трудъ до 3-хъ часовъ пополудни въ пятницу, когда былъ сдѣланъ послѣдній ударъ киркою.

У нихъ не было свѣта, и они сперва не могли разобрать, гдѣ находятся заключенные. Одинъ изъ спасителей вскочилъ въ отверстіе, крича: „Гдѣ вы?“ Онъ почувствовалъ себя охваченнымъ руками за шею и ощутилъ поцѣлуи на своей щекѣ. Всѣ были живы, а вѣдь за эти пять ужасныхъ дней и ночей грязная вода и немного свѣчнаго сала составляли ихъ единственное пропитаніе.

Что пережили они тамъ? Они рассказали, что первымъ признакомъ опасности явился для нихъ шумъ несущейся воды, и одинъ изъ нихъ воскликнулъ: „Наводненіе!“ Вода поднялась такъ быстро, что они скоро въ ней очутились по поясъ. Они побѣжали обратно къ штольнѣ—четверо мужчинъ и мальчикъ Гьюгъ. Онъ упалъ бы, побѣжденный усталостью и страхомъ, но Дженкинсъ подхватилъ его подъ руки и провелъ въ „Пласть Джона Моргана“. Тамъ они прождали до четверга. Въ пятницу они начали копать, стоя по поясъ въ водѣ. Послѣ полудня они слышали стуки со всѣхъ сторонъ и могли от-

вѣчать на нихъ. Они нашли въ пласту телѣжку, наполненную углемъ. Они ссыпали уголь, оставивъ его только около шести дюймовъ на днѣ телѣжки, гдѣ и спали по очереди. Поуэль и Дженкинсъ „нянчили“ маленькаго Гью, держа его между собой. Каждый разъ, какъ они слышали стукъ, одинъ изъ нихъ вставалъ и отвѣчалъ на него. Они изслѣдовали воду и нашли, что она отступаетъ. Стукъ становился все отчетливѣе, и надежда ожила въ ихъ сердцахъ. Затѣмъ снаружи начали буравить отверстія, и вода стала медленно, медленно подниматься. Тогда ожидавшіе пришли въ уныніе. Даже телѣжка наполнилась водой, и они были принуждены забиться въ самый дальній уголь.

Въ пятницу утромъ они услышали, что ихъ освободители подходятъ все ближе, и узнали голосъ директора, кричавшаго имъ, что ихъ скоро спасутъ.

Они очень волновались и боялись ложиться спать. Они прокричали, припасена ли для нихъ пища, и услышали въ отвѣтъ: „Да, ребята, хватить на всѣхъ“.

Инспекторъ копей, Уэльсъ, писалъ съ своимъ отчетѣмъ что: „прослуживъ директоромъ угольныхъ копей и правительственнымъ инспекторомъ въ общей сложности двадцать пять лѣтъ, я былъ свидѣтелемъ многихъ проявленій храбрости и отваги, но ни въ какомъ другомъ случаѣ я не видѣлъ большей отваги, смѣлости и скромности, чѣмъ здѣсь при усиліяхъ спасти этихъ пятерыхъ заживо погребенныхъ“.

VII.

Вильямъ Браймловъ родился въ Больтонѣ въ 1854 году. Здѣсь онъ и жилъ все время, и все время работалъ. Только разъ въ жизни онъ измѣнилъ своей работѣ. Онъ предпринялъ путешествіе въ южное полушаріе для поправленія здоровья. Во время этого плаванія онъ едва не лишился жизни: былъ сильный штормъ, онъ упалъ въ море и оставался въ водѣ такъ долго, что, когда его вытащили, онъ былъ уже безъ чувствъ. Но онъ скоро оправился отъ послѣдствій этого злоключенья и вернулся назадъ въ Англію въ качествѣ корабельнаго плотника.

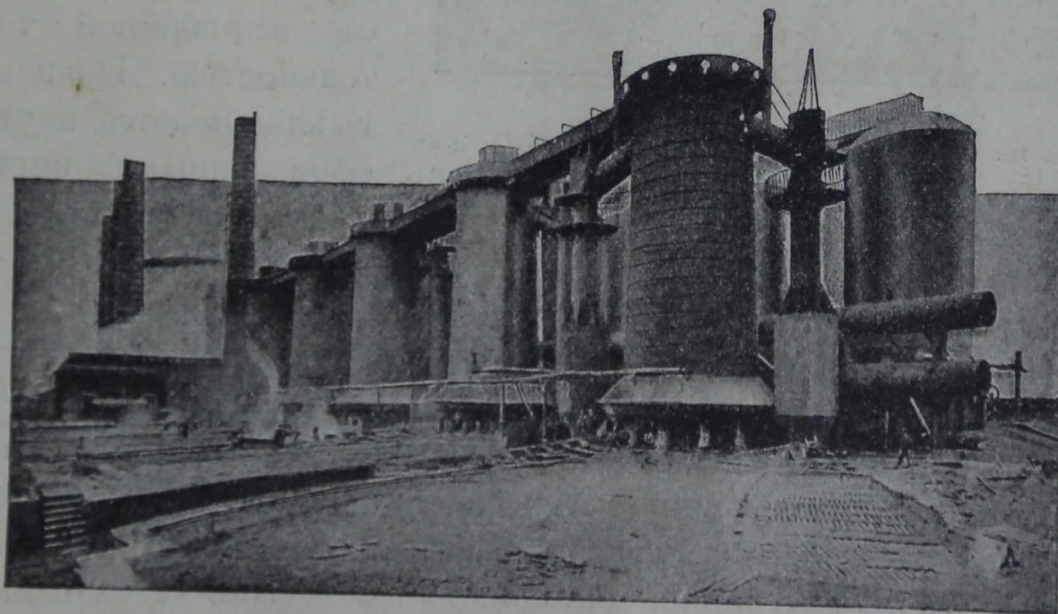
Браймловъ началъ работать въ плавильняхъ своего отца въ очень раннемъ возрастѣ, всего двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Немногіе изъ насъ знаютъ, сколько сложныхъ, долгихъ тру-

довъ требуется, чтобы создать самый простой предметъ изъ нашей кухонной утвари. Сокровища желѣзной руды, заложенные въ нѣдрахъ земли, не имѣли бы для насъ никакой цѣнности, если бы не трудъ и изобрѣтательность людей, извлекающихъ изъ земли ея богатства и превращающихъ ихъ своимъ трудомъ въ необходимыя для нашей жизни вещи. Кто проѣзжалъ ночью по „Черной странѣ“ и смотрѣлъ изъ окна вагона на громадныя, дышашія огнемъ, зданія и на пылающія небеса, которыя словно отражаютъ пламя горящихъ городовъ, тотъ уже можетъ себѣ нѣсколько представить огромную затрату силъ, которая требуется, чтобы сдѣлать руду полезною для человѣка.

Вильямъ Браймловъ.

Прежде всего, для этого необходима доменная печь. Она служитъ для плавленья руды и выдѣленія изъ нея чугуна, изъ котораго уже затѣмъ выра-

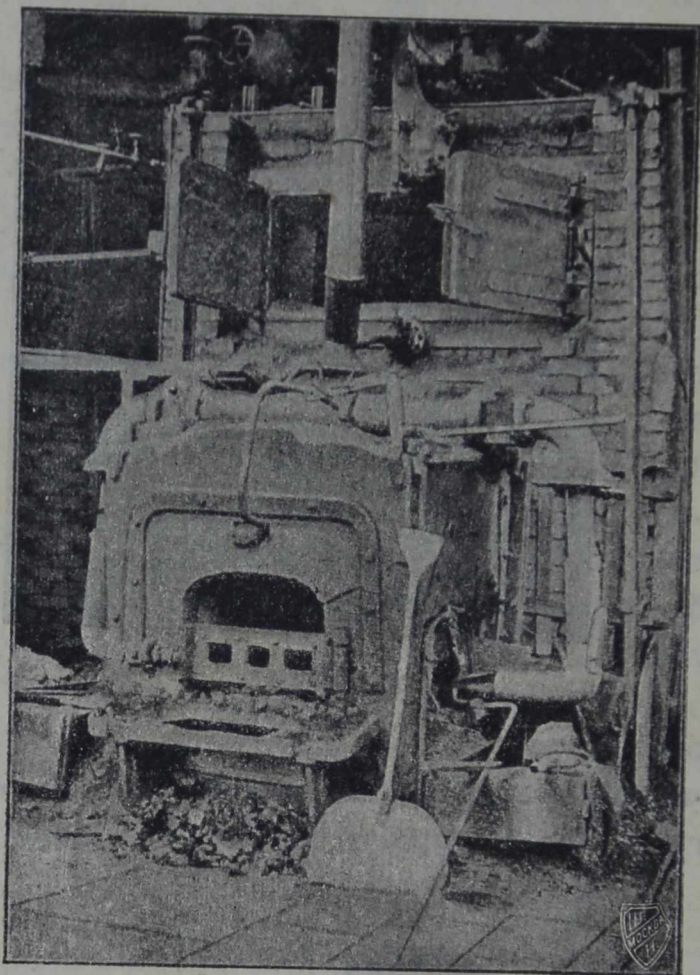
Доменные печи.

батываютъ желѣзо. Расплавленный чугунъ отливаютъ въ „болванки“. Полъ литейни усыпаютъ густымъ слоемъ крупнаго песка, на которомъ дѣлается отпечатокъ болванки. Легкая покатость позволяетъ металлу сбѣгать по приготовленнымъ для него канавкамъ. Поразительное зрѣлище представляетъ плавильня въ тѣ часы, когда домны выпускаютъ жидкій чугунъ, и потоки бѣлой огненной массы текутъ въ литейныя формы, броса

вая красноватый отблескъ на смуглыя лица рабочихъ, темныя стѣны и крышу.

„Болванки“ расплавляются въ особыхъ печахъ и обрабатываются при этомъ такъ, что изъ чугуна получается желѣзо. Называется такая печь „вагранкой“. Такъ какъ эти сооруженія должны выносить не только страшно сильный жаръ пламени, но и внутреннее давленіе кипящаго въ нихъ чугуна, то внутренній остовъ ихъ долженъ быть сдѣланъ съ величайшей тщательностью. Печи эти выкладываются внутри обожженными кирпичами, обмазанными гли-

Печь, въ которой изъ чугуна выплавляютъ желѣзо.

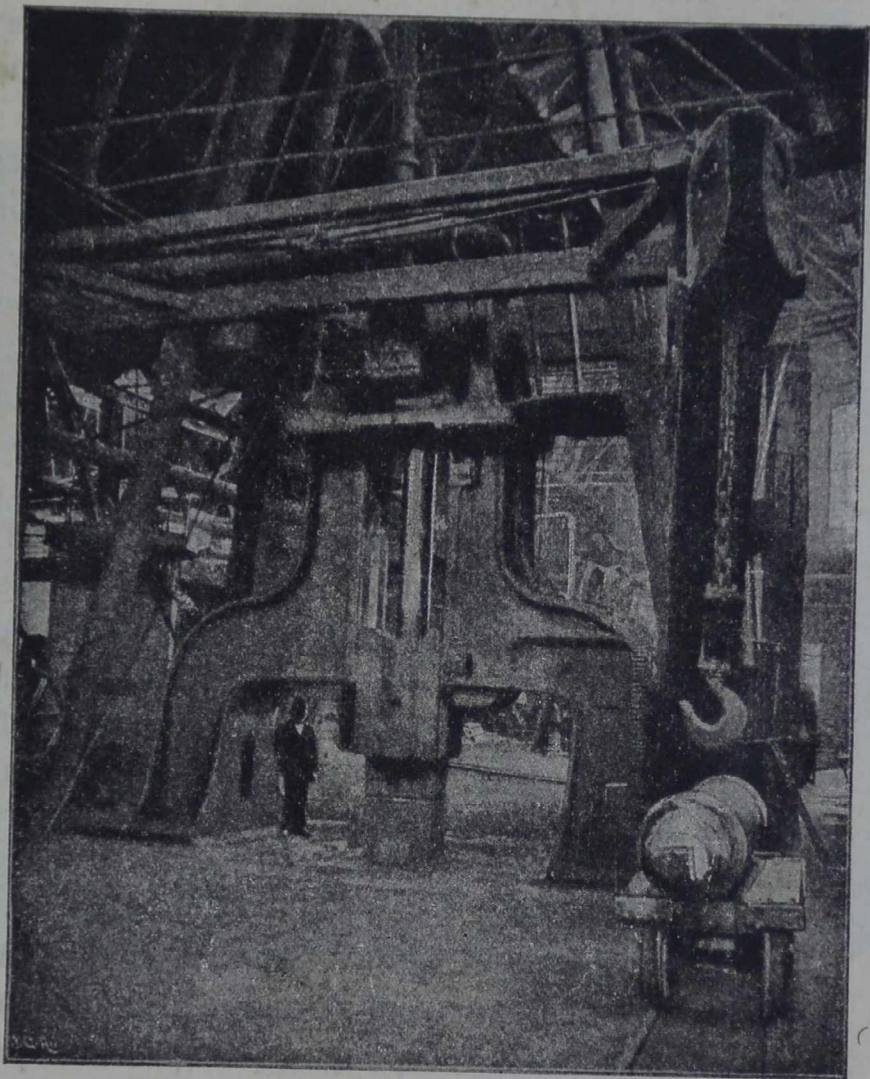
ной, а иногда, ради прочности, ихъ заключаютъ какъ бы въ футляръ изъ желѣзныхъ пластинокъ.

Печь вагранка работаетъ ежедневно во всякомъ литейномъ заведеніи. Вагранка является обычной принадлежностью не только большихъ заводовъ, но и всякой технической мастерской, поставяющей сошники и садовые ножи. Расплавленное желѣзо достается изъ вагранки и передается потомъ черпаками съ одного конца мастерской въ другой. И уже послѣ того, какъ желѣзо вылито изъ домны въ „болванки“ и под-

верглось новому превращенію въ вагранкѣ, желѣзо подвергается работѣ надъ нимъ парового молота и наковальни.

Работа кузнеца знакома каждому изъ насъ. Мало кто не видалъ деревенской кузницы съ ея таинственнымъ сумракомъ и ея богатыремъ, дюжимъ кузнецомъ,—съ обнаженными по локоть руками, звонко бьющаго по наковальнѣ.

21-го сентября 1883 года въ Дингетской плавильнѣ начали наполнять плавильную печь желѣзомъ. Нѣсколько кирпичей въ печи при этомъ выпали. Нужно было немедленно замѣнить ихъ новыми, и вотъ работавшій при печи Томасъ Говартъ взялся за это дѣло. Только-что онъ началъ исправлять поврежденіе, какъ голова у него закружилась отъ сѣрныхъ паровъ и другихъ газовъ, наполняющихъ плавильную печь, и онъ безъ

Паровой молотъ.

чувствъ упалъ на дно печи. Смерть отъ удушенія казалась неминуемой для него.

Рабочіе, собравшіеся на платформѣ передъ печью, въ нѣмомъ ужасѣ смотрѣли другъ на друга: они слишкомъ хорошо знали страшное дѣйствіе этихъ ядовитыхъ паровъ на здоровье и самую жизнь. Никто не рѣшался вступить въ борьбу съ коварнымъ врагомъ, и Томасъ Говартъ погибъ бы, если бы его не спасъ одинъ мужественный человѣкъ.

Какъ только Вильямъ Браймловъ узналъ о случившемся несчастіи, онъ сейчасъ же бросился туда и, прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ остановить его, уже пробрался въ узкое отверстіе, служащее для набивки печи. Печь эта въ Динстетѣ имѣетъ внутри очень малую окружность, и проходъ въ нее отчасти заслоненъ еще лѣстницей. Тѣмъ не менѣе, Браймловъ сумѣлъ пролѣзть черезъ узкое отверстіе и добрался до неподвижно распростертаго въ печи Говарта. Браймловъ былъ худощавъ, слабосилень и малъ ростомъ; а Томасъ Говардъ ростомъ былъ больше пяти футовъ и десяти дюймовъ и вѣсилъ около 5 пудовъ. Спасеніе человѣка, который больше и тяжелѣе, чѣмъ ты самъ, можетъ показаться невыполнимой задачей; но когда дѣло идетъ о человѣческой жизни, настоящее мужество не знаетъ препятствій, и такіе храбрецы бываютъ способны совершать вещи, въ другое время кажушіяся не подъ силу никому.

Схвативъ Говарта, Браймловъ исполнилъ невѣроятную вещь: чтобы вылезти съ Говартомъ обратно изъ печи, держа одной рукой безчувственного товарища, онъ съ помощью другой руки взобрался по лѣстницѣ, спущенной отвѣсно въ плавильную печь. Люди, впослѣдствіи осматривавшіе мѣсто дѣйствія, были просто поражены, какимъ образомъ Браймловъ могъ выбраться оттуда съ почти бездыханнымъ товарищемъ. Чтобы держать и тащить безчувственного человѣка, требуется такое страшное напряженіе мускуловъ, что мы просто удивляемся, какъ это у Браймлова не лопнулъ какой-нибудь изъ кровеносныхъ сосудовъ.

Когда спаситель и спасенный выбрались изъ плавильной печи, Говартъ, повидимому, былъ уже мертвъ, но Браймловъ не оставилъ его, пока не привелъ въ чувство.

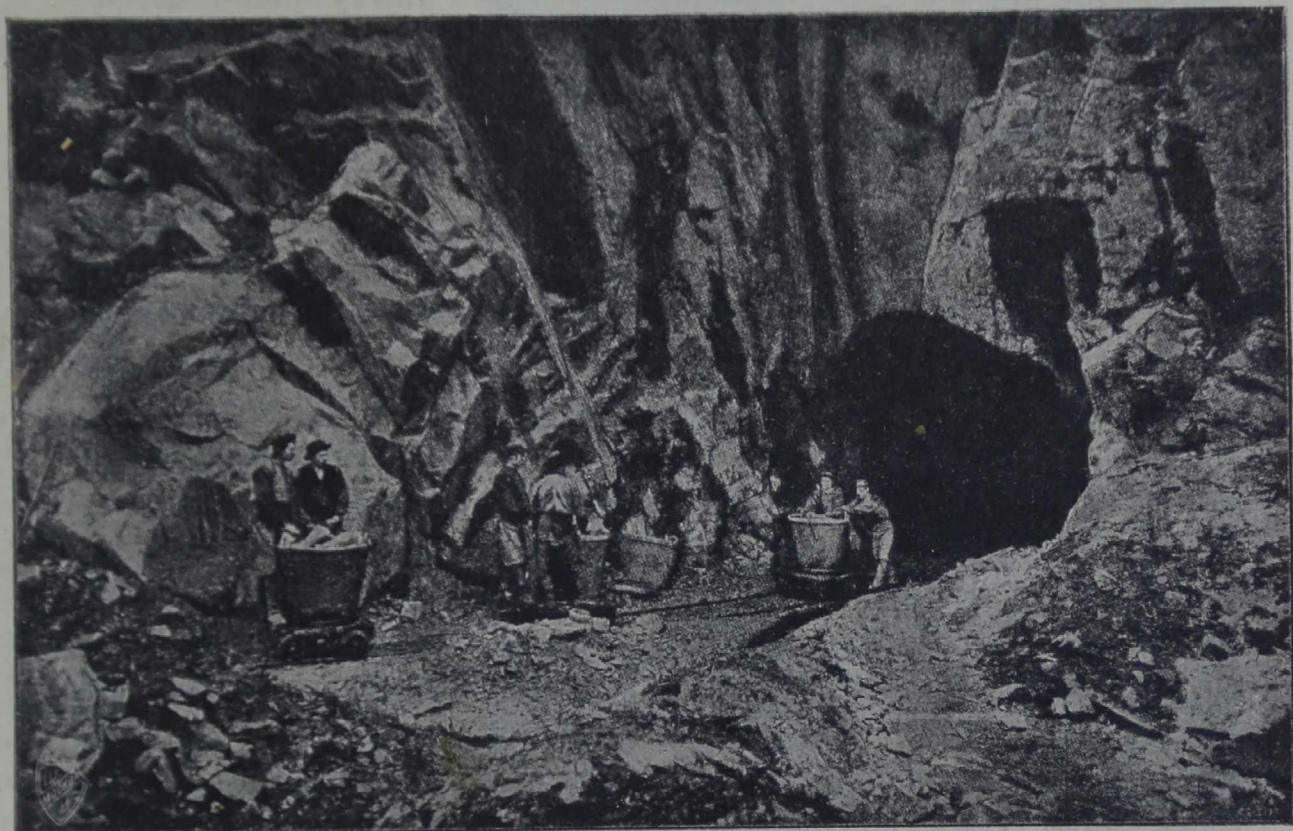
Черезъ нѣсколько времени Говартъ совершенно оправился, но спаситель его былъ не такъ счастливъ. Дѣйствіе ядовитыхъ паровъ скверно отразилось на Браймловѣ, и, кромѣ того, мускулы груди и лѣваго плеча его были такъ повреждены отъ чрезмѣрнаго напряженія, что онъ остался калѣжкой до самой своей смерти.

VIII.

Броунъ былъ рьяный игрокъ въ любимую англійскую игру футболъ, хорошо сложенный, мускулистый тридцатилѣтній

парень, горнорабочій. Брандъ былъ членомъ Южно-африканскаго общества любителей лошадей при алмазныхъ розсыпяхъ. Оба работали въ южной Африкѣ на алмазныхъ розсыпяхъ де-Бгера, близъ Комберлея. Послѣ полудня, 5-го іюня 1897 года, въ тысячефутовой штольнѣ произошло замѣшательство. Люди, находившіеся на поверхности земли, увидѣли, что полуголые рудокопы кафры, обезумѣвъ отъ ужаса, крича и спотыкаясь, выбѣгаютъ изъ отверстія шедшаго изъ земли туннеля (проходъ, пробитый въ скалѣ), за ними медленно, но неуклонно двигался потокъ густого синяго ила.

Входъ въ рудникъ.

(Никто не знаетъ причины этого, но иногда туннель въ алмазныхъ розсыпяхъ наталкивается на легкую почву, и происходитъ изверженіе ила, величайшій ужасъ алмазныхъ копей.)

Илъ не выкидываетъ наружу съ силой, какъ воду, немедленно возбуждая тревогу во всей копи, но за спиной горнорабочаго онъ надвигается изъ конца туннеля, приближаясь тяжело и безшумно, и когда горнорабочій оборачивается, илъ уже тутъ, готовый засосать человѣка, и наполняетъ туннель своею густою, липкою, удушающею массою.

III Таково было изверженіе ила 5-го іюня. Когда сосчитали

людей, спасшихся изъ туннеля, оказалось, что не хватаетъ двухъ мальчиковъ-кафровъ. Зная, въ какомъ мѣстѣ они работали, всѣ сочли вѣроятнымъ, что иль застигъ ихъ врасплохъ; но все же могло быть и такъ, что они сумѣли добраться до того мѣста, гдѣ туннель значительно расширился для пропуска вагонетокъ. Даже если бы туннель былъ заполненъ иломъ, тамъ оказалось бы достаточно воздуха, чтобы имъ прожить нѣсколько часовъ.

Устье туннеля уже извергало густую, синюю грязь. Послѣ остановки потока (никто не могъ предсказать, когда она наступитъ), пришлось бы еще откопать 300 футовъ ила, прежде чѣмъ добраться до того мѣста, гдѣ могли находиться кафрскіе мальчики. Это заняло бы много времени, такъ много, что всѣ уже считали кафровъ погибшими.

Но изверженіе окончилось раньше, чѣмъ ожидали, и директоръ немедленно приказалъ расчищать иль. Рабочіе проработали весь остатокъ дня, всю ночь и все слѣдующее утро, мало чего достигнувъ. Однако, сводъ туннеля началъ понемногу освобождаться. Предполагалось, что оба кафра уже умерли отъ удушенія, и, все-таки, оставался еще одинъ шансъ изъ тысячи на успѣхъ,—единственный шансъ, которымъ всегда пользуется герой. Тутъ-то и совершили свое дѣло Броунъ и Брандъ.

Между сводомъ туннеля и уровнемъ ила образовалось теперь пространство дюймовъ въ двѣнадцать. Броунъ предложилъ пробраться туда. Брандъ рѣшилъ итти съ нимъ. Друзья уговаривали ихъ не ходить почти на вѣрную смерть ради двухъ мальчишекъ, такъ какъ истеченіе ила могло возобновиться и залить вновь весь туннель. Кромѣ того, всѣ знали, какъ мало тамъ воздуха, и насколько вѣроятно, что и это небольшое количество воздуха полно ядовитыхъ газовъ.

Однако Броунъ и Брандъ, съ рудничными фонариками на шапкахъ, вошли въ холодную, синюю грязь. Имъ пришлось пробираться сквозь иль съ величайшимъ трудомъ и напряженіемъ силъ. Въ мѣстахъ, гдѣ сводъ туннеля былъ чрезмѣрно низокъ, они разгребали иль руками и затѣмъ продвигались впередъ.

Иногда было такъ мало мѣста, что иль достигалъ имъ до носа, а воздухъ съ каждой минутой становился тяжелѣе. Фонарики погасли вскорѣ послѣ ихъ входа въ копь. Не имѣя возможности снова зажечь ихъ, они шли впередъ въ полнѣйшей темнотѣ. Время отъ времени они звали мальчиковъ, и только когда они уже выбились изъ силъ и готовились повер-

нуть обратно, они слышали слабые отвѣтные крики. Это придало имъ новыя силы. Они бросились впередъ и, наконецъ, достигли подъема.

Они нашли мальчиковъ въ ужасномъ состояніи, такъ какъ пробыли они въ своемъ страшномъ заключеніи больше двадцати девяти часовъ.

Невозможно описать всю трудность обратнаго пути Броуна и Бранда. Хотя уровень ила сталъ теперь нѣсколько ниже, и легче было дышать, но вѣдь имъ пришлось не только самимъ протискиваться сквозь илъ, но еще тащить за собой обоихъ мальчиковъ.

Броунъ и Брандъ то и дѣло останавливались во мракѣ для того, чтобы отдохнуть, и иногда имъ казалось, что они уже не въ силахъ снова двинуться впередъ. Наконецъ, они увидѣли свѣтъ, обозначающій устье туннеля, и немного времени спустя друзья вытащили ихъ наружу.

Кафры, обезумѣвъ отъ ужаса, выбѣгаютъ изъ отверстія туннеля.

Такія великія души встрѣчаются нерѣдко среди рабочаго народа. Грубые снаружи, герои труда таятъ въ себѣ пламя великой любви и великаго мужества.

По разн. источникамъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

* * *

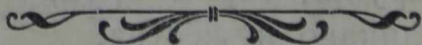
Весной пахнуло, таетъ на дворѣ.
О выйдемъ постоять мгновенье на балконѣ!
Сегодня лѣсъ на дальнемъ небосклонѣ
Какъ чернь старинная на серебрѣ.

Въ лѣсу движенье, возгласы и крикъ,
Тамъ валять пильщики березы вѣковыя;
Лежатъ кругомъ равнины снѣговыя,
И день весенній солнеченъ и тихъ.

Круглятся облака надъ головой,
Въ весеннемъ воздухѣ слышнѣе крики галокъ,
Теплѣе свѣтъ бѣжитъ по склону балокъ
И съ крыши льетъ звенящею струей.

Весной пахнуло, таетъ на дворѣ,
Но холодно еще въ саду сквозномъ и мрачномъ,
И прудъ еще окованъ льдомъ прозрачнымъ,
И тополи стоятъ всѣ въ серебрѣ.

Н. Страхова.

Сольвэ съ Солнечнаго хутора.

Повѣсть Ганса Онруда.

ГЛАВА Ш.

Гномъ-домовицъ.—Новая бабушка.

Чуть свѣтъ проснулся Сольвэ на другое утро. Его разбудило пѣніе пѣтуха. Не то, чтобы онъ сознательно слышалъ его,—онъ крѣпко спалъ, и ему какъ разъ снилось, что дѣдушка стоитъ на утесѣ Скага, размахиваетъ руками и поетъ во все горло: „Вкусный хлѣбъ и масло къ хлѣбу!“—но пѣніе пѣтуха, былъ звукъ, который онъ не привыкъ слышать, такъ какъ у нихъ въ Сольфенгѣ не было куръ.

Онъ раскрылъ глаза. Гдѣ онъ? Все кругомъ было чужое, незнакомое. Долго онъ не могъ понять, куда попалъ, но мало-по-малу онъ вспомнилъ все: какъ они съ дѣдушкой ходили на утесъ Скага слушать, что говорятъ колокола... пожаръ... какъ они всѣ вмѣстѣ пошли внизъ, въ долину—бабушка, по-

ложимъ, не шла, а ѣхала на саняхъ, которыя прислала хозяйка усадьбы Къэлле. Смутно помнилъ онъ тоже, что они всѣ сидѣли потомъ въ большой горницѣ, гдѣ стоялъ столъ такой длинный-предлинный, что онъ доходилъ почти отъ одной стѣны до другой, а кругомъ него все стояли лавки. Онъ, Сольвэ, должно быть, заснулъ тамъ, потому что женщина съ ласковымъ лицомъ, которую всѣ называли Берить,—вѣроятно, сама хозяйка,—потомъ трясла его за плечо и говорила ему, что она ему сейчасъ покажетъ, гдѣ онъ будетъ спать, а потомъ повела его куда-то наверхъ. Ну да, стало-быть, онъ находится сейчасъ въ чердачной комнатѣ усадьбы Къэлле.

Онъ снова оглядѣлъ комнату. Все тутъ было странно и не похоже на Сольфенгъ. Косой потолокъ, то-есть попросту крыша, спускавшійся такъ низко, что у стѣны до него можно было почти рукой достать. Одно маленькое окно на всю комнату, впрочемъ, даже не настоящее окно, а узкое слуховое оконце. Въ противоположной стѣнѣ маленькая дверь,—вѣроятно, обитая снаружи желѣзомъ, потому что на ней блестѣли шляпки гвоздей. Вдоль третьей стѣны рядъ большихъ крашенныхъ сундуковъ, тоже обитыхъ желѣзомъ, а на четвертой стѣнѣ, отъ его кровати до самой двери, висѣли одежды. Все странно и необычно. Но въ то же время такъ мирно, тихо и уютно.

Сольвэ захотѣлось опять лечь и понѣжиться въ постели, какъ онъ привыкъ это дѣлать дома въ праздничные дни; но потомъ ему пришло на умъ, что тутъ въ усадьбѣ, вѣроятно, много новаго и интереснаго, что стоитъ посмотреть. Лучше поскорѣе встать и пойти внизъ! Вѣдь вчера вечеромъ онъ почти ничего не видалъ.

Проворно одѣвшись, при чемъ онъ не забылъ надѣть и свой красный вязаный колпакъ, который носилъ круглый годъ, и лѣтомъ и зимой, онъ открылъ дверь и очутился на длинной узкой открытой галлерей, которая шла вдоль всей передней стѣны дома. Отсюда онъ могъ черезъ прорѣзы въ массивныхъ деревянныхъ перилахъ видѣть весь дворъ, со всѣми его строениями.

Къэлле—старая усадьба, и всѣ постройки въ ней старинныя. Ни одно изъ строеній не крашено, только дерево вездѣ побурѣло отъ времени. Всѣ службы крыты торфяными крышами, на которыхъ растеть трава. Въ одномъ углу двора стоитъ старая раскидистая черемуха съ большимъ дупломъ. Это „дворовое дерево“, съ которымъ связано повѣрье, что пока оно

стоитъ, усадьба Кьэлле не перейдетъ въ чужія руки. Во многихъ старыхъ норвежскихъ усадьбахъ есть такія „дворовыя деревья“, которыя владѣльцы щадятъ и берегутъ, хотя сами не знаютъ хорошенько, почему они это дѣлаютъ.

Кьэлле очень старая усадьба, и тамъ много оригинальныхъ старомодныхъ построекъ и всевозможныхъ темныхъ угловъ и закоулковъ. Вѣроятно, поэтому, Кьэлле считается одной изъ тѣхъ усадебъ, гдѣ будто бы еще живетъ добрый гномъ-домовикъ. Правда, объ этомъ говорятъ только какъ бы въ шутку,

Въ старинномъ норвежскомъ домѣ.

и тотъ, кто говоритъ, всегда дѣлаетъ видъ, что самъ вовсе не вѣритъ въ существованіе домовика. Однако всѣ служанки, на примѣръ, страхъ какъ не любятъ ходить въ амбаръ или на сѣноваль вечеромъ, когда стемнѣетъ, хотя ни за что не признаются, почему онѣ этого не любятъ.

Сольвэ слышалъ о домовикѣ отъ дѣдушки, но въ данную минуту онъ совсѣмъ не думалъ объ этомъ, а если бы и вспомнилъ, то не боялся бы, потому что вѣдь было совсѣмъ свѣтло. Полюбовавшись нѣкоторое время дворомъ съ высоты галереи, онъ осторожно, на цыпочкахъ спустился внизъ по скри-

пучей лѣстницѣ. Часъ еще былъ очень ранній. Вся усадьба спала.

Господи, какъ все здѣсь красиво, и какое все здѣсь большое! И сколько новаго! Вонъ на крышѣ дома какая-то башенка, а въ ней виситъ колоколъ. Ахъ, это вѣрно тотъ самый колоколъ, который говоритъ: „Вкусный хлѣбъ и масло къ хлѣбу“... А вонъ и коровникъ...

Дверь коровника была пріотворена, и Сольвэ рѣшилъ заглянуть туда, увѣренный, что увидитъ тамъ много коровъ самой чудовищной величины. Но коровникъ оказался почти совсѣмъ пустымъ. Ну да, конечно, вѣдь весь скотъ угнали на все лѣто на сетерьъ (горное пастбище) и пригонять его назадъ лишь къ осени. Но зато вонъ вѣдь лежатъ ихъ собственные коровы, Золоторожка и Пеструха, съ широко-раскрытыми удивленными глазами. Онѣ тоже не понимаютъ, бѣдныя, куда попали! Нѣжное чувство овладѣло маленькимъ Сольвэ. Онъ подошелъ къ коровамъ и нѣжно погладилъ ихъ. Онѣ сразу узнали его, и съ ними мальчикъ почувствовалъ себя совсѣмъ какъ дома.

Вдругъ съ перегородки, раздѣлявшей стойла, слетѣлъ большой красивый пѣтухъ и громко прокричалъ свое „ку-ка-ре-ку!“ Сольвэ показалось, что онъ крикнулъ: „корова моя“. Ему вспомнилась сказка, которую ему рассказывалъ дѣдушка про пѣтуха, кукушку и тетерева, побившихся объ закладъ, кто изъ нихъ встанетъ раньше, и когда пѣтухъ во второй разъ прокричалъ то же самое, Сольвэ погрозилъ ему кулачкомъ и задорно крикнулъ: „Нѣтъ, врешь, корова моя, я всталъ раньше“.

Теперь, конечно, надо было разыскать и навѣстить также обѣихъ козъ, Красавку и Бѣляночку. „Онѣ, вѣроятно, въ одномъ изъ этихъ маленькихъ домиковъ“, подумалъ Сольвэ, выйдя изъ коровника и продолжая обходъ двора. Но какъ бы не такъ! Вонъ онѣ лежатъ обѣ на торфяной крышѣ своего хлѣва и пощипываютъ тамъ траву, а дверь раскрыта настежь. Ужъ конечно! Найдется ли развѣ на свѣтѣ дверь, которую Красавка не сумѣетъ открыть?

Козы заблеяли, увидѣвъ и узнавъ своего маленькаго хозяина, и Сольвэ долженъ былъ навѣстить ихъ на крышѣ и погладить своихъ любимицъ. Послѣ этого онъ заглянулъ еще въ конюшню, но она оказалась пустой. Теперь больше нечего было осматривать; въ домѣ же попрежнему было тихо. По-

бродивъ еще немного по двору, Сольвэ сѣлъ, наконецъ, на камень подъ черемухой.

Ранній утренній часъ началъ оказывать свое дѣйствіе. Мальчикъ подобралъ подъ себя ноги, прислонился къ дереву, зѣвнулъ разъ-другой, и его голова мало-по-малу начала свѣшиваться на грудь. Онъ заснулъ.

Разбудилъ его громкій женскій крикъ, несшійся со стороны дома. Онъ испуганно поднялъ глаза, но увидѣлъ только край развѣвающейся юбки и босыя ноги, которыя мелькнули на галлерей и скрылись за одной изъ дверей.

Сольвэ не подозрѣвалъ, какой переполохъ онъ надѣлалъ тѣмъ, что всталъ такъ рано и усѣлся подъ деревомъ въ своемъ красномъ колпачкѣ. Въ пять часовъ утра Беритъ Къэлле по обыкновенію разбудила служанку Сюновэ, которая должна была пойти разбудить остальныхъ. Однако на этотъ разъ Сюновэ дошла только до галлерей. Тамъ она громко вскрикнула, стремглавъ бросилась въ горницу къ хозяйкѣ и прерывающимся отъ страха голосомъ заявила, что подъ черемухой сидитъ гномъ-домовикъ. „Онъ самый, какъ есть, въ красномъ колпачкѣ и во всемъ прочемъ. И какъ онъ на меня глазами сверкнулъ!“—лепетала Сюновэ.

Много смѣха и шутокъ было въ этотъ день за завтракомъ въ усадьбѣ Къэлле, когда Иваръ вошелъ, держа Сольвэ за руку, и сказалъ, обращаясь ко всѣмъ служанкамъ и работникамъ: „Смотрите, ребята, вотъ нашъ гномъ-домовикъ! Спасибо Сюновэ, что намъ удалось его поймать: она утромъ увидала его подъ деревомъ, ну и не растерялась, бросила въ него кусочкомъ стали, оттого онъ и попалъ къ намъ въ руки!“

Сюновэ сидѣла красная, какъ маковъ цвѣтъ, не смѣя поднять глаза съ тарелки.

Съ этихъ поръ за маленькимъ Сольвэ такъ и осталось прозвище „домовикъ усадьбы Къэлле“, хотя самъ онъ очень не любитъ, когда его такъ называютъ.

Со времени пожара прошло уже три дня. Сольвэ видѣлъ за это время много новаго и интереснаго, но особенно ему

нравятся лошади и все, что имѣеть отношеніе къ нимъ: сбруя, уздечки, подковы, ясли. Онъ готовъ часами смотрѣть на все это. „Ужъ извѣстно, какъ домовику лошадей не любить“, полусерьезно говорятъ работники.

Однако сегодня онъ ходитъ по двору грустный и молчаливый, и даже лошади не интересуютъ его. Бабушка сильно больна. Она такъ и не вставала съ того дня, какъ ее перевезли въ Къэлле, а сегодня даже за докторомъ послали.

Когда утромъ Сольвэ зашелъ къ ней, она не узнала его. Она смотрѣла въ стѣну, размахивала руками и все твердила: „Кш-шъ, кш-шъ, проклятыя сороки“.

— Бабушка хочеть спать, Сольвэ, иди лучше!—сказала ему тогда Беритъ, и онъ послушно вышелъ и спустился во дворъ.

Онъ не понималъ хорошенько, что происходитъ, но безотчетная тоска сжимала его сердце. На душѣ у него было такъ грустно-грустно. Въ концѣ концовъ онъ забился подъ амбаръ и долго проплакалъ тамъ.

Всѣ, казалось, забыли про него. Служанки думали, что онъ наверху, а наверху думали, что онъ въ людской. Только подъ вечеръ Сюновэ стала кликать его: бабушка проснулась и хочеть его видѣть.

Сольвэ опять поднялся наверхъ. На этотъ разъ бабушка узнала его и улыбнулась ему.

— Тебѣ очень плохо, бабушка?—спросилъ Сольвэ.

Бабушка взяла его руку и нѣжно погладила ее.

— Нѣтъ, внучекъ, мнѣ теперь хорошо, очень хорошо, такъ хорошо, какъ никогда не было. И я хотѣла тебѣ сказать, что это она, Беритъ Къэлле, такъ утѣшила меня сегодня. Помни это и люби ее! А теперь,—она опять погладила его руку,—теперь ступай, милый. Отведи его спать, Торе. И да благословить тебя Богъ, внучекъ.

На слѣдующее утро сама Беритъ Къэлле разбудила маленькаго Сольвэ. Она присѣла къ нему на кровать и погладила его по головѣ.

— Вотъ что, милый,—медленно сказала она.—Бабушка велѣла тебѣ кланяться и сказать тебѣ, чтобы съ нынѣшняго дня ты ужъ считалъ меня своей бабушкой.

Сольвэ понялъ. Онъ ничего не сказалъ даже не заплакалъ. Онъ только вынулъ ручонку изъ-подъ одѣяла и крѣпко сжалъ руку своей новой бабушки.

ГЛАВА IV.

Хозяинъ помощникъ и конопляный староста.

Уже середина лѣта. День воскресный. Солнце близится къ закату и озаряетъ всю долину теплымъ красноватымъ свѣтомъ. Воздухъ полонъ запаха клевера и луговыхъ травъ.

Со двора усадьбы Кьэлле, то усиливаясь, то ослабѣвая, несетъ какой-то шипящій звукъ. Онъ рѣжетъ ухо, онъ отдается въ зубахъ и все-таки это пріятный звукъ, безъ котораго лѣто было бы не въ лѣто: это работники точатъ свои новыя косы. Съ завтрашняго утра начнется покосъ.

Ихъ семь человекъ, не считая хозяина, Ивара Кьэлле: пять хусмэновъ ¹⁾, батракъ и поденщикъ, нанятый специально на время косьбы. Торе и маленькій Сольвэ тоже тутъ, конечно, а также Беритъ и три служанки: онѣ стоятъ немного поодаль и выбираютъ себѣ грабли изъ тѣхъ граблей, что длиннымъ рядомъ стоятъ у стѣны сарая. Торе двѣ недѣли работалъ надъ ними, чинилъ и вставлялъ новые зубья на мѣсто выпавшихъ.

Мужчины, усердно работая, бесѣдуютъ о своихъ косахъ, сравниваютъ ихъ и рассказываютъ, гдѣ и какъ купили ихъ.

¹⁾ Хусмэны—это нѣчто среднее между арендаторомъ и батракомъ. Они ведутъ свое собственное хозяйство на клочкѣ земли, который арендуютъ, но въ то же время помогаютъ владѣльцу земли во всѣхъ полевыхъ работахъ.

У Ивара еще цѣла прошлогодняя коса, но онъ недавно купилъ себѣ еще одну, которая ужъ очень понравилась ему. На видъ она совсѣмъ игрушечная,—маленькая и узкая, но продавецъ увѣрялъ его, что эта коса возьметъ всякую траву—даже сухой бѣлоусъ днемъ ¹⁾. Правда, Иваръ не очень-то вѣритъ этому, но во всякомъ случаѣ эта коса пригодится на кочковатыхъ и каменистыхъ мѣстахъ. Петръ Квернхусъ, одинъ изъ хусмэновъ, купилъ свою косу у проѣзжаго цыгана, смуглаго, черноволосаго, съ глазами какъ угли. Цыганъ самъ сдѣлалъ эту косу и на глазахъ Петра закалилъ ее, опустивъ сначала въ сельдяной рассоль, а потомъ въ воду, что течетъ съ юга на сѣверъ, но зато и взялъ онъ за нее порядочную цѣну. Словомъ, у всякаго есть что рассказать про свою косу.

Самый интересный моментъ это тотъ, когда дѣло доходитъ до испытанія крѣпости новой косы. Дѣлается это очень просто: отточивъ небольшую часть лезвія, посередкѣ, это мѣсто прижимаютъ къ спинкѣ финскаго ножа. Если лезвее погнется при этомъ—значитъ сталь слишкомъ мягкая, и косу лучше бросить, потому что все равно толку отъ нея не будетъ. Если же на лезвеѣ образуется зазубринка, это значитъ, что сталь слишкомъ твердая. Однако этой бѣдѣ легко помочь: надо только провести по лезвею раскаленнымъ желѣзомъ. На очагѣ въ кухнѣ уже лежитъ приготовленный кусокъ желѣза.

Первой пробуютъ „игрушечную“ косу Ивара. И вѣрно—она съ честью выходитъ изъ испытанія! Ни малѣйшей зазубринки, ни на волосокъ не погнулась! Видно, правду сказалъ продавецъ, что эта коса всѣ другія за поясъ заткнетъ. Но зато коса Петра Квернхуса оказалась никуда не годной: ея лезвее погнулось, какъ корка отъ сыра, даромъ что цыганъ „закалялъ“ ее. Петру ничего не оставалось, какъ взять у Ивара одну изъ его старыхъ косъ.

У всѣхъ остальныхъ косъ сталь оказалась немного твердой, такъ что пришлось прибѣгнуть къ раскаленному желѣзу. Сдѣлать косу немножко потверже вѣрнѣе для кузнеца: если коса окажется слишкомъ мягкой, кузнецъ обязанъ взять ее назадъ и вернуть деньги, если онъ честный человѣкъ. И Петръ получилъ бы свои деньги назадъ, да только гдѣ искать цыгана!

¹⁾ Бѣлоусъ такая жесткая трава, что ее можно косить только рано утромъ, когда она еще мокрая отъ росы.

Сольвэ стоитъ и смотритъ. Впервые въ жизни онъ чувствуетъ страстное желаніе поскорѣе стать большимъ, чтобы тоже участвовать въ общей работѣ. Особенно ему нравится „игрушечная“ коса Ивара, но онъ знаетъ, что онъ еще слишкомъ малъ для того, чтобы косить... Грустно все-таки быть совсѣмъ лишнимъ, ненужнымъ!

Дѣдушка видно понимаетъ, что происходитъ на душѣ у внука, потому что онъ вдругъ говоритъ:

— А для Сольвэ въ нынѣшнемъ году нѣтъ косы?

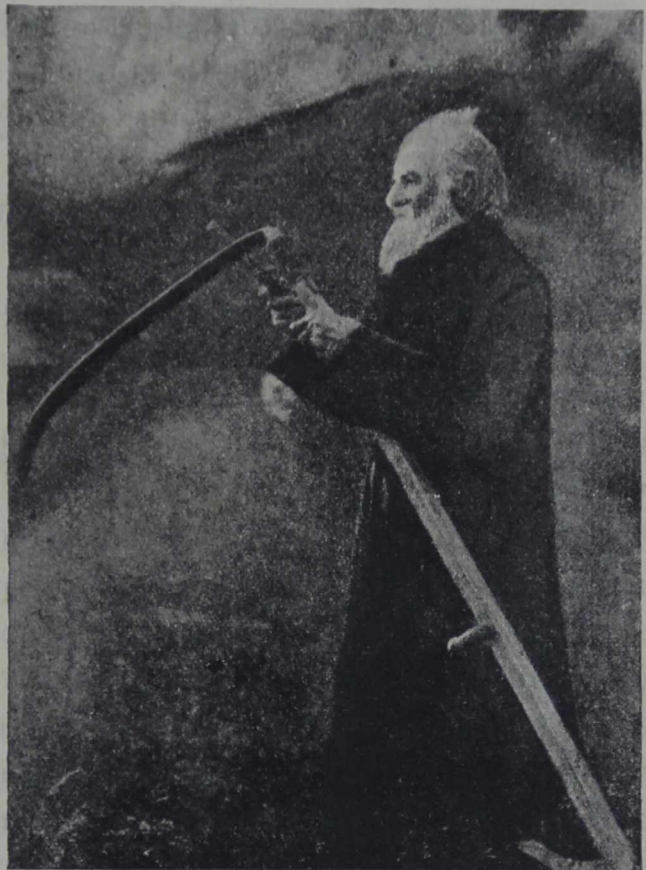
— Да,—отвѣчаетъ Иваръ,—въ этомъ году Сольвэ будетъ у насъ въ родѣ какъ бы старосты, тогда мнѣ будетъ меньше дѣла.

— Ну нѣтъ, — говоритъ Беритъ, — какъ хочешь, а въ это лѣто тебѣ придется обойтись безъ него. Онъ будетъ моимъ помощникомъ. Вѣдь нуженъ же мнѣ кто-нибудь дома, когда всѣ вы уйдете на покосъ. Мало ли дѣла: телятъ выгнать, дровъ принести... Нѣтъ ужъ, я тебѣ Сольвэ не отдамъ!.. Но только ты долженъ сдѣлать ему хорошенькія маленькія грабли, Торе.

— Сдѣлать не трудно, — отвѣчаетъ Торе.— Но на что ему грабли, разъ онъ будетъ твоимъ помощникомъ дома?

— А я, видишь ли, хочу еще поручить ему одно дѣло, которое я не рѣшаюсь поручить никому изъ васъ. Онъ, Сольвэ, будетъ моимъ „коноплянымъ старостой“. Ужъ сколько лѣтъ я мечтаю, чтобы у меня былъ „конопляный староста“, а все приходилось обходиться безъ него. Ты вѣдь согласишься, Сольвэ, взять на себя это дѣло?

— О, да!—радостно говоритъ Сольвэ и сразу чувствуетъ себя выросшимъ на цѣлую голову, хотя не имѣетъ понятія, что значитъ быть „коноплянымъ старостой“.

Быстро летятъ лѣтніе дни. На лугахъ, на всѣхъ лѣсистыхъ склонахъ со смѣхомъ и весельемъ косятъ траву, въ усадьбѣ же совсѣмъ безлюдно, за исключеніемъ тѣхъ часовъ, когда колоколъ созываетъ косцовъ къ трапезамъ. Берить, Сольвэ и куры—вотъ всѣ, кто остается дома, да еще, впрочемъ, обѣ козы—Красавка и Бѣлоснѣжка, которыя разъ навсегда вбили себѣ въ голову, что никуда не уйдутъ со двора.

Сольвэ уже не чувствуетъ себя лишнимъ и ненужнымъ. У него есть теперь свои опредѣленные обязанности, свои отвѣтственные дѣла.

Рано поутру, когда косцы отправляются на работу, Берить будитъ его, и онъ идетъ вмѣстѣ съ нею въ коровникъ, гдѣ помогаетъ ей доить коровъ и поить телятъ, а потомъ гонитъ скотину вверхъ по склону въ лѣсокъ, гдѣ она должна пастись. Это отнимаетъ много времени, потому что подъемъ въ гору крутой, а телята лѣнны и любятъ прятаться по дорогѣ въ кусты. Вернувшись домой, надо принести дрова въ кухню, чтобы Берить могла готовить завтракъ, а потомъ—да, потомъ онъ звонитъ въ колоколъ, созывая работниковъ домой. Сначала колоколъ не слушался его и все говорилъ только „хлѣбъ, хлѣбъ, хлѣбъ!“ Но теперь Сольвэ научился, наконецъ, обращаться съ колоколомъ и можетъ заставить его говорить сколько угодно разъ „вкусный хлѣбъ и масло къ хлѣбу!“ И онъ очень гордился этимъ.

Какъ только скосили траву съ перваго сухого, теплаго солнечнаго холма, Берить говоритъ, что пора ему приняться за свои обязанности „коноплянаго старосты“. Теперь Сольвэ знаетъ, что это значить. „Конопляный староста“ долженъ заботиться о коноплѣ съ той минуты, какъ ее посѣютъ, до той минуты, когда она поступаетъ въ руки прядильщицъ, а продолжается это не больше, не меньше, какъ два года!

Сперва надо заняться прошлогодней коноплей. Ее достаютъ изъ сарая, гдѣ она лежала всю зиму, и отвозятъ на скошенный солнечный холмъ, а Сольвэ долженъ разостлать ее тонкими слоями, чтобы дождь и роса хорошо помочили ее, а солнышко побѣлило. Берить сама показываетъ, какъ это дѣлается, и очень довольна своимъ понятливымъ ученикомъ. Сольвэ понимаетъ, что это очень важная работа, и старается во всю, не жалѣя трудовъ. И ему везетъ: едва онъ успѣлъ кончить раскладывать коноплю, какъ пошелъ ливень, а для конопли нѣтъ ничего лучше ливня, пока она лежитъ на

„стлищѣ“. Каждый день Сольвэ ходитъ смотрѣть, не разбросалъ ли вѣтеръ ряды, которые онъ такъ тщательно уложилъ.

А тутъ уже вскорѣ пора приняться и за ту коноплю, что стоитъ еще въ полѣ и которую будутъ мочить будущимъ лѣтомъ, и эта работа, пожалуй, еще занятнѣе. На коноплянномъ полѣ всегда вырастаютъ два вида конопли: *посконь*, то-есть растеніе съ мужскими цвѣтками, и *собственно конопля*—растеніе съ женскими цвѣтками. *Посконь* созрѣваетъ раньше *собственно конопли*, и какъ только она созрѣетъ, ее выдергиваютъ. Въ этой-то работѣ Сольвэ и долженъ помочь Беритъ. Сначала они дѣлаютъ въ полѣ нѣсколько узкихъ прямыхъ проходовъ, чтобы не потоптать лишннихъ растеній,—они даже пользуются при этомъ бечевкой, чтобы проходы вышли прямѣе,—а потомъ входятъ каждый въ свой проходъ и начинаютъ рвать и дергать *посконь*, переговариваясь и перекликаясь. Конопля такая высокая, что отъ Сольвэ только и видно, что кончикъ его краснаго колпачка. Въ общемъ это очень весело, одна только бѣда: *посконь* такая жесткая, что отъ нея рукавъ немного больно, да отъ запаха конопли кружится голова.

Едва покончили съ этимъ, какъ пора убирать со стлища прошлогоднюю коноплю. Она вся размякла и побѣлѣла. Вотъ гдѣ Сольвэ пригодились грабли, которыя дѣдъ ему сдѣлалъ по просьбѣ Беритъ. А потомъ, глядь, на полѣ созрѣла и *собственно конопля*, и ее тоже пора выдергивать. Ее выдергиваютъ съ корнями и связываютъ въ пучки. Это не легкая работа, и продолжается она много дней, но зато, когда съ этимъ покончено, Беритъ говоритъ, что остальное теперь сдѣлаютъ работники и что „конопляный староста“ теперь свободенъ до осени, когда начнется „трепка“.

Однако, это вовсе не значить, что у Сольвэ больше нѣтъ дѣла! Наоборотъ. Всѣ нуждаются въ его помощи. Беритъ дома почти не можетъ обходиться безъ него, а тутъ еще Иваръ Кьэлле пришелъ просить, чтобы мальчика отпустили съ нимъ въ поле: они теперь начнутъ жать хлѣбъ, и имъ нуженъ помощникъ, чтобы носить снопы. Ничего не подѣлаешь: пришлось-таки Беритъ согласиться отпускать его на полдня, но она сама удивляется, до чего пустымъ и скучнымъ ей кажется домъ безъ мальчика. Пока онъ въ полѣ, она нѣтъ-нѣтъ взглянетъ въ окно, не идетъ ли онъ, наконецъ.

Жатва идетъ своимъ чередомъ; вскорѣ весь хлѣбъ уже сжатъ, а тутъ настаетъ и великій день, когда весь скотъ дол-

женъ вернуться съ седера. Сольвэ давно съ нетерпѣніемъ ждетъ этого дня. Подумайте только: чуть не сорокъ штукъ коровъ, пятьдесятъ козъ, столько же овецъ, и быкъ такой огромный, что едва пролѣзаетъ, говорятъ, въ дверь коровника! А потомъ—со стадомъ вѣдь придетъ и пастушекъ Свенунгъ, про котораго Сольвэ слышался столько рассказовъ. Онъ, говорятъ, даже медвѣдя видалъ!.. Когда къ нему, Сольвэ, перейдетъ должность Свенунга, онъ будетъ такимъ же умѣлымъ и храбрымъ, какъ Свенунгъ.

Хлопотъ передъ этимъ днемъ масса: надо хорошенько вычистить коровникъ, положить корму въ ясли, насыпать подстилки и т. д., а потомъ надо стоять дозоромъ на холмѣ, чтобы предупредить, когда на этой сторонѣ долины появится стадо.

Вотъ оно, наконецъ, и явилось. Сольвэ стоитъ вмѣстѣ съ Беритъ у воротъ, чтобы встрѣтить стадо. Но тутъ начинается такое столпотвореніе, отъ всего этого звона колокольчиковъ, мычанія, бляенія, звуковъ рога, ласкъ, привѣтственныхъ возгласовъ и прочаго, что у Сольвэ голова идетъ кругомъ, и онъ даже забываетъ посмотреть на Свенунга.

Только позже, когда всѣ коровы, козы и овцы, наконецъ, на своихъ мѣстахъ, накормлены и напоены, Сольвэ смотритъ на Свенунга: онъ такой высокій, хотя ему всего тринадцать лѣтъ, и говоритъ такъ странно громко. Сольвэ не знаетъ, что всѣ тѣ, которые провели цѣлое лѣто одни въ горахъ, всегда говорятъ такъ громко.

Нѣтъ, такимъ какъ Свенунгъ, который одинъ справляется съ цѣлымъ стадомъ и знаетъ столько вещей, онъ никогда не сможетъ стать! Онъ боится даже заговорить съ нимъ.

Но Свенунгъ самъ замѣчаетъ его и самъ заговариваетъ съ нимъ. Все лѣто онъ провелъ въ одиночествѣ на горахъ, онъ прямо-таки соскучился по какомъ-нибудь товарищѣ, и онъ сразу заявляетъ, что теперь, когда въ Къэлле двѣ чужія коровы, онъ не можетъ пасти стадо одинъ. Ему непременно нуженъ помощникъ, потому что коровы, навѣрное, затѣютъ драки, и онъ не справится одинъ. Съ нимъ соглашаются и назначаютъ ему въ подпаски Сольвэ.

Такимъ образомъ оба мальчика проводятъ теперь вмѣстѣ цѣлые дни и быстро становятся друзьями. Свенунгъ совсѣмъ не гордый, даромъ что самый настоящій пастухъ. Онъ безъ конца рассказываетъ о жизни на седерахъ, и Сольвэ черезъ

него знакомится съ каждой коровой, съ каждой козой въ стадѣ, узнаетъ нравъ и повадки каждой изъ нихъ. Нѣтъ, пожалуй, онъ въ концѣ концовъ тоже сможетъ быть пастухомъ, когда подрастетъ немного!

Такъ проходятъ двѣ недѣли. Къ этому времени весь хлѣбъ уже свезенъ съ полей, скотину можно выпускать теперь прямо на жнивье, и пастухамъ мало дѣла. Но зато для „коноплянаго старосты“ опять есть работа: Беритъ говорить, что пора „трепать“ коноплю. Для этого она созываетъ въ усадьбу всѣхъ женъ хусмэновъ.

На полкѣ въ банѣ раскладываютъ прошлогоднюю, вымоченную и выбѣленную коноплю, а затѣмъ жарко топятъ баню до тѣхъ поръ, пока конопля не становится совсѣмъ сухой — настолько сухой, что она даже шуршитъ. Передъ баней ставятъ „трепалку“, а потомъ Сольвэ долженъ подавать работницамъ изъ бани высушенную коноплю. Въ банѣ такъ жарко, что потъ ручьями течетъ съ его лица. Женщины работаютъ усердно;

кострика такъ и летитъ во всѣ стороны и покрываетъ ихъ одежды, ихъ лица, ихъ волосы. Въ концѣ концовъ онѣ становятся похожими на вѣдьмъ. Имъ жарко, въ горлѣ у нихъ пересыхаетъ, и Сольвэ долженъ приносить имъ квасу.

Когда онѣ выбьютъ горсть конопля, у нихъ остается въ рукахъ тоненькій пучокъ *пеньки*, который онѣ свиваютъ въ жгутъ, а когда такихъ жгутовъ наберется двѣнадцать, онѣ связываютъ вмѣстѣ, и Сольвэ долженъ смотрѣть, чтобы жгутовъ въ связкѣ было ровно двѣнадцать. Словомъ, у коноплянаго старосты дѣла по горло! Свенунгъ тоже пришелъ и помогаетъ; онъ не считаетъ себя слишкомъ важнымъ для этого, хотя онъ и пастухъ!

Только успѣли покончить съ трепаньемъ, какъ учитель прислалъ сказать, что съ такого-то дня начинается ученье. Сольвэ долженъ теперь аккуратно ходить въ школу, хотя онъ не понимаетъ, откуда онъ возьметъ время на это. Но оказалось, что время можно найти при желаніи, а побывавъ въ школѣ разъ, онъ ужъ теперь всегда съ нетерпѣніемъ ждетъ слѣдующаго школьнаго „дня“. Онъ росъ безъ братьевъ, сестеръ и товарищей, все время бывалъ только со взрослыми, и для него такъ ново и занятно встрѣчать теперь столько своихъ однолѣтковъ. Но особенно его интересуютъ и удивляютъ дѣвочки: онъ совсѣмъ не представлялъ ихъ себѣ такими. Ходятъ чинно, подъ ручку, едва ноги поднимаютъ съ земли, такъ что никакія желѣзки не сверкаютъ на ихъ каблукахъ. Да, вѣроятно, у нихъ и нѣтъ никакихъ „подковъ“ на башмакахъ!

Время летитъ. Быстро промелькнула осень со стрижкой овецъ, а тутъ, глядь, ужъ Рождество на носу съ предпраздничными хлопотами, поѣздкой въ церковь, „рождественскимъ козломъ“ и всякими другими святочными играми и развлечениями.

Затѣмъ наступаетъ тихое время съ длинными вечерами вокругъ очага. Всѣ сидятъ полукругомъ въ горницѣ—мужчины по одну сторону, женщины по другую. На очагѣ горитъ большой огонь. Мужчины готовятъ вѣники, метлы, оглобли и всякія другія вещи, нужныя въ хозяйствѣ; женщины прядутъ, а на полѣнницѣ дровъ сидятъ Сольвэ и Свенунгъ и должны присматривать за огнемъ, время отъ времени подбрасывая въ него нѣсколько полѣньевъ. У нихъ въ рукахъ книжка, и они должны, собственно, учиться, но изъ этого мало что выходитъ, потому что кругомъ разговариваютъ, смѣются, шутятъ и рассказываютъ столько интереснаго. А у Сольвэ есть, кромѣ того, еще дѣло въ качествѣ „коноплянаго старосты“. Прядутъ женщины пеньку, и время отъ времени у той или иной прядильщицы пряжа рвется и концы нитки наматываются на веретено; тогда Сольвэ долженъ свѣтить лучинкой, пока прядильщица не разыщетъ концы, чтобы связать ихъ вмѣстѣ, и долженъ считать, сколько разъ у кого пряжа порвалась: у кого пряжа порвется семь разъ, та дѣвушка въ этомъ году не выйдетъ замужъ.

Но вотъ и зима уже подходитъ къ концу, дни становятся длиннѣе, близится Пасха, и начинаются по обыкновению раз-

говоры о томъ, чтобы пойти на вершину Сулу поглядѣть, какъ солнце играетъ. Каждый годъ объ этомъ говорятъ, но дальше разговоровъ дѣло не идетъ тоже по обыкновенію; такъ это бываетъ каждый годъ.

Немного погода и снѣгъ уже стаялъ; начинаются полевая работы: пашутъ, боронятъ и сжигаютъ поросль на новинахъ, и Сольвэ видитъ двухъ сорокъ, которыя опять таскаютъ полуобгорѣлыя вѣточки для своего гнѣзда, и онъ готовъ поклясться, что это тѣ самыя сороки, которыя жили у нихъ въ Сольфенгѣ.

И вотъ однажды въ воскресенье онъ видитъ, проснувшись, на сундукѣ у своей кровати новую одежду и три новенькія рубашки. Онѣ сотканы и сшиты изъ той конопли, которую онъ самъ мочилъ и помогаль трепать, и Беритъ съ улыбкой говоритъ ему, что это его годовая плата какъ „коноплянаго старосты“.

Такъ прошелъ годъ. И еще два года проходятъ почти такимъ же образомъ, съ той только разницей, что Сольвэ и Свенунгъ выросли и что въ послѣднюю зиму Свенунгъ уже сидитъ не на полѣнницѣ дровъ, а на болѣе почетномъ мѣстѣ: на обрубкѣ дерева, „почти“ въ ряду со взрослыми работниками. Вѣдь весной онъ будетъ конфирмоваться и станетъ совсѣмъ взрослымъ—настоящимъ „работникомъ“ въ усадьбѣ—и онъ уже не пойдетъ этимъ лѣтомъ на горное пастбище со скотомъ. Въмѣсто него туда отправится Сольвэ, и онъ уже готовится къ своимъ будущимъ обязанностямъ, помогая Свенунгу ходить за скотиной. Изъ „помощника хозяйки“ маленькій Сольвэ повысится такимъ образомъ до пастуха.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Съ норвежскаго М. Розенфельдъ.

Думающія животныя.

Вы всѣ, вѣроятно, видѣли въ циркѣ ученыхъ животныхъ или хоть слышали о нихъ. Ученыя лошади, собаки, кошки, даже крысы и другіе маленькіе звѣрки продѣлываютъ, по приказанію своего хозяина, удивительныя вещи, иногда даже разыгрываютъ цѣлыя сценки. Смотришь на нихъ и удивляешься; кажется, что животныя понимаютъ человѣческій языкъ и сознательно выполняютъ все то, что отъ нихъ требуется. Но до сихъ поръ думали, что это только такъ кажется, что на самомъ дѣлѣ животное просто привыкаетъ либо къ звуку голоса хозяина, либо къ разнымъ, незамѣтнымъ для публики, знакамъ, указывающимъ ему, что именно надо сдѣлать.

А теперь нашлись люди, не пожалѣвшіе долгихъ лѣтъ упорнаго труда, чтобы попытаться доказать, что животныя дѣйствительно могутъ самостоятельно разсуждать и понимать человѣческую рѣчь, и что мы, люди, можемъ разговаривать съ ними. Первый, кому пришла въ голову эта мысль, былъ Вильгельмъ фонъ-Остенъ изъ Берлина. Онъ первый сталъ искать путей къ сближенію между нами и нашими младшими братьями-животными.

Вильгельмъ фонъ-Остенъ, нѣмецкій помѣщикъ, родился 1838 года въ Шензее, близъ Торна. Сперва онъ учился въ Кенигсбергской гимназіи, потомъ въ Данцигѣ, въ ремесленной школѣ, и на машиностроительныхъ курсахъ въ Берлинѣ. Затѣмъ онъ сталъ учителемъ математики и рисованія. Долгое время онъ жилъ въ разныхъ городахъ, наконецъ переселился въ Берлинъ. Жилъ онъ одиноко въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, людей избѣгалъ, и окружающіе считали его чудакомъ.

Небольшой доходъ съ имѣнія позволялъ ему жить безбѣдно и располагать своимъ временемъ, какъ ему хотѣлось. У Остена была своя лошадь, служившая ему для прогулокъ верхомъ; звали ее Гансъ.

Этотъ Гансъ и навелъ своего хозяина на мысль изслѣдовать умственныя способности лошади и доказать, что она можетъ думать, рассуждать.

Однажды Остенъ замѣтилъ, что Гансъ, вѣзжая съ возомъ въ ворота, *самъ* описываетъ на улицѣ большую дугу, чтобы вѣхать по прямой линіи; онъ какъ будто понимаетъ, что вѣхать по кривой нельзя: возъ непременно зацѣпится. Остену захотѣлось убѣдиться, дѣйствительно ли Гансъ *рассуждаетъ*.

Въ 1890 году онъ началъ заниматься съ Гансомъ, почти шутя и совершенно не предвидя, какъ далеко заведутъ его эти опыты. Держа справа отъ Ганса морковку, онъ заставлялъ его поворачивать голову направо и при этомъ ясно и отчетливо произносилъ: „*направо*, Гансъ, повернись *направо*; вотъ теперь ты повернулъ голову *направо*“.

Скоро Гансъ привыкъ соединять движеніе въ правую сторону со словами „направо“ и научился поворачивать голову при одномъ только приказаніи „направо!—уже безъ морковки. Затѣмъ Остенъ тѣмъ же способомъ научилъ Ганса поворачивать голову *налѣво*, *итти* вправо и *влѣво*, останавливаться.

Какъ-то разъ онъ повезъ кататься пріѣхавшаго къ нему гостя, майора Келлера, и по дорогѣ, опустивъ вожжи, управлялъ Гансомъ одними словами: „ступай направо, Гансъ; теперь *налѣво*; *рысю*; *стой!*“ — Гансъ безпрекословно исполнялъ всѣ приказанія.

Къ несчастью, этотъ умный жеребецъ умеръ на шестомъ году жизни. Въ 1900 году Остенъ купилъ другую лошадь. Этотъ второй Гансъ, знаменитый „Умный Гансъ“, который такъ прославился впоследствии, былъ изъ Россіи изъ породы орловскихъ рысаковъ. Красивый вороной жеребецъ, очень подвижной, капризный и нервный, съ необыкновенно выразительными глазами, Гансъ производилъ на каждого подкупающее впечатлѣніе.

Ему-то и посвятилъ Остенъ всю остальную жизнь.

Онъ сталъ обучать его чтенію, письму и счету, какъ настоящаго школьника, и Гансъ дѣлалъ большіе успѣхи. Объ Умномъ Гансѣ заговорили въ печати; ученые заинтересовались имъ; его изслѣдовали двѣ нарочно для этого собравшихся

научныхъ комиссіи. Слава его распространилась за предѣлы Германіи; ученые пріѣзжали изъ другихъ странъ, чтобы по-смотрѣть на него. Но обо всемъ этомъ я расскажу послѣ, а пока мнѣ хочется рассказать подробнѣе, чему же именно и какъ научился Умный Гансъ.

Прежде всего Остенъ сталъ обучать Ганса математикѣ. Для этого онъ пользовался обыкновеннымъ нагляднымъ методомъ, который примѣняется въ школахъ съ маленькими дѣтьми. Онъ ставилъ передъ Гансомъ кегли, сначала одну, потомъ двѣ, три и т. д. и при этомъ громко считалъ: одна, двѣ, три. Показывая опредѣленное число кегель и называя его вслухъ, Остенъ одновременно пріучалъ лошадь выстукивать это число копытами. Мало-по-малу Гансъ привыкъ при словѣ „два“ стучать два раза, при словѣ „три“ — три раза и т. д. Потомъ уже одинъ видъ трехъ кегель вызывалъ въ немъ воспоминаніе о словѣ „три“, и, слѣдовательно, онъ уже самъ, на вопросъ: сколько здѣсь кегель? — стучалъ три раза. Когда Гансъ научился считать приблизительно до 15, Остенъ сталъ обучать его сложенію. Вотъ какъ онъ это дѣлалъ: на одинъ конецъ стола ставились 4 кегли, на другой еще двѣ, которыя Остенъ закрывалъ маленькимъ ящичкомъ. „Смотри, Гансъ, — говорилъ онъ, — четыре (онъ указывалъ ихъ рукой) и двѣ (при этихъ словахъ онъ приподнималъ ящичекъ и указывалъ на двѣ кегли) — составляютъ *шесть, шесть*“.

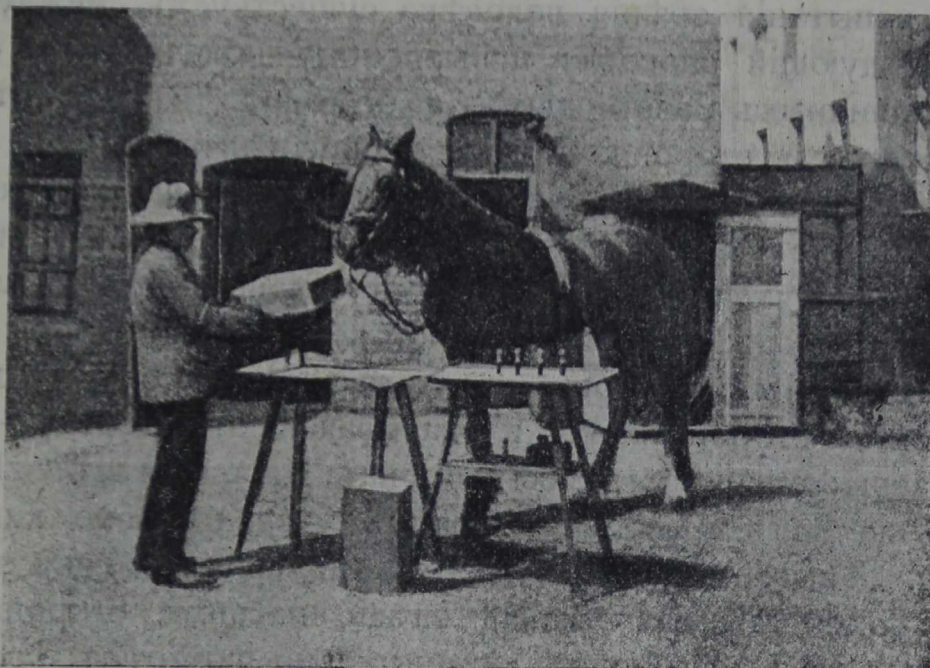
Такимъ же образомъ Гансъ усвоилъ и остальные три дѣйствія.

Тогда Остену пришло въ голову научить свою лошадь читать. Гансъ уже умѣлъ производить дѣйствія не надъ кеглями, а надъ замѣнявшими ихъ цифрами, написанными на доскѣ. И вотъ Остенъ изобрѣлъ особую „лошадиную“ азбуку, въ которой буквы замѣнялись опять-таки цифрами ($a = 1$, $b = 2$ и т. д.). Когда Гансъ понялъ, что для a нужно стучать 1 разъ, для b два раза и т. д., то мало-по-малу онъ научился и читать, т.-е. выстукивать написанныя на доскѣ слова.

Послѣ двухъ лѣтъ обученія Гансъ обладалъ уже самыми разнообразными знаніями: онъ зналъ четыре дѣйствія, читалъ по слогамъ, умѣлъ различать цвѣта, монеты, карты, умѣлъ узнавать, который часъ, и многое другое.

Впослѣдствіи, когда о необыкновенной лошади говорилъ уже весь Берлинъ, Остену пришелъ на помощь нѣкто Карлъ Кралль, богатый купецъ изъ Эльберфельда. Онъ такъ заинте-

ресовался Гансомъ и его неслыханными для животнаго успѣхами въ наукѣ, что сталъ посвящать почти все свое свободное время занятіямъ съ умнымъ жеребцомъ. Благодаря вмѣшательству Кралля, занятія пошли гораздо успѣшнѣе. Дѣло въ томъ, что Остенъ человѣкъ очень нервный и вспыльчивый, часто запугивалъ лошадь разными рѣзкими выходками и, пытаясь сломить упрямство Ганса, только усиливалъ его. Иногда, послѣ какой-нибудь ошибки въ вычисленіи, онъ заставлялъ его выстукивать правильный отвѣтъ по сту разъ. Естественно, что это и утомляло, и раздражало Ганса до такой степени,

Остенъ объясняетъ Гансу сложеніе.

что онъ „бастовалъ“ и совсѣмъ не отвѣчалъ на вопросы—иной разъ по нѣсколькимъ днямъ. Кралль, человѣкъ болѣе спокойный и уравновѣженный, понималъ, что съ животными, какъ и съ человѣкомъ, лаской добьешься гораздо большаго, чѣмъ строгостью. Поэтому онъ прибѣгалъ къ мѣрамъ строгости только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда никакимъ инымъ путемъ отъ Ганса нельзя было добиться повиновенія. За каждый вѣрный отвѣтъ Ганса награждали морковкой, кусочками сахара или какимъ-либо другимъ лакомствомъ. Онъ не могъ, какъ человѣкъ, учиться ради того, чтобы знать, тѣмъ болѣе, что человѣческія знанія были ему чужды и ненужны; только ожиданіе награды могло заставить его быть внимательнымъ и хорошо учиться.

Кромѣ того, Краллю удалось убѣдить Остена разнообразить самый характеръ отвѣтовъ лошади. Онъ научилъ Ганса кивать головой въ отвѣтъ на заданный вопросъ, вмѣсто того, чтобы всякій разъ отстукивать отвѣтъ, что къ концу урока очень утомляло Ганса. Гансъ, видя, что съ нимъ считаются, что его жалѣютъ, сразу сталъ податливѣе и послушнѣе, и охотно подчинялся Краллю.

Черезъ нѣсколько времени Кралль задумаетъ изслѣдовать пять внѣшнихъ чувствъ Ганса, то-есть узнать, насколько зрѣніе, слухъ и другія внѣшнія чувства лошади хуже или лучше человѣческихъ. Прежде всего занялись зрѣніемъ.

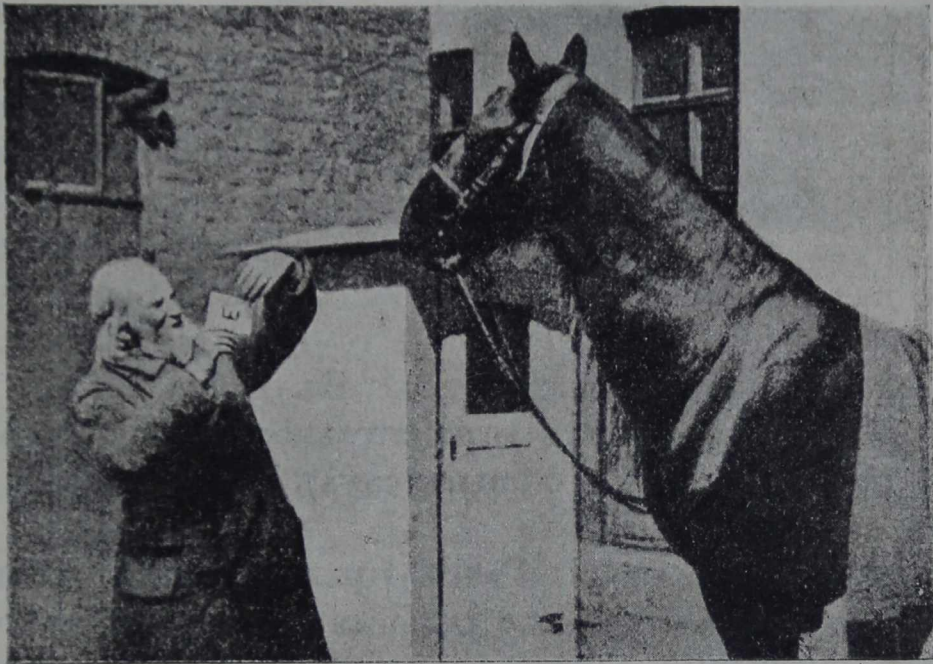
Для испытанія зрѣнія человѣка существуетъ, между прочимъ, слѣдующій способъ: испытуемому показываютъ букву *E* на различныхъ разстояніяхъ, а онъ долженъ указать, гдѣ у нея открытая сторона. Тотъ же способъ примѣнили и къ Гансу. Сперва Остенъ показалъ ему свою шапку, говоря: „Смотри, Гансъ, вотъ эта сторона шапки открытая: видишь, я могу просунуть сюда руку. А здѣсь (онъ перевернулъ шапку) закрытая сторона; видишь, сюда я не могу просунуть руки. Теперь смотри сюда, — онъ показалъ Гансу букву *E*, держа ее открытой сторою вверхъ и указывая на эту сторону, — какъ ты думаешь: открытая здѣсь сторона? Да или нѣтъ?“ Гансъ тотчасъ же далъ правильный отвѣтъ, утвердительно кивнувъ головой. „Такъ. А теперь, — Остенъ повернулъ букву закрытой стороною кверху, — какая здѣсь, наверху, сторона: открытая или нѣтъ?“ Гансъ отрицательно помоталъ головой: „нѣтъ“.

Потомъ ему показывали ту же букву на разныхъ разстояніяхъ, все время заставляя находить открытую сторону. Результатъ получился поразительный: оказалось, что зрѣніе Ганса *въ два съ половиной раза* лучше, чѣмъ у обыкновеннаго, нормальнаго человѣка.

Желая убѣдиться въ правильности такого результата, Кралль устроилъ цѣлый рядъ дополнительныхъ опытовъ. Такъ, если кто-либо изъ сосѣдей смотрѣлъ изъ окна на занятія, Кралль просилъ его высовывать то правую, то лѣвую руку, то нѣсколько пальцевъ. „Гансъ, — спрашивалъ онъ затѣмъ, — смотри-ка, какую руку высунулъ тотъ господинъ?“ Гансъ дѣлалъ движеніе головой направо. Отвѣтъ оказывался вѣрнымъ. „А сосчитай, сколько на рукѣ пальцевъ?“ — Гансъ отстукиваетъ 5 разъ.

Надо сказать, что Гансъ вообще быстро привыкъ къ человѣческой рѣчи и понималъ даже такія слова, которымъ его не учили, но которыя онъ могъ случайно слышать въ разговорѣ. Такъ, когда Остенъ на своей шапкѣ объяснялъ ему, какая сторона открытая и какая закрытая, Гансъ сразу его понялъ, хотя до этого никто не училъ его словамъ „открытый“ и „закрытый“. Такое умѣнье по смыслу фразы догадываться о значеніи незнакомаго слова заставляетъ предполагать въ лошади способность *разсуждать*.

Гансъ, какъ я уже говорилъ, умѣлъ различать цвѣта. Онъ подходилъ къ веревочкѣ, на которой были развѣшаны цвѣт-

— Смотри, Гансъ, гдѣ здѣсь открытая сторона?

ныя таблицы, и упирался головой въ табличку требуемаго цвѣта, или же, по приказанію Кралля, выстукивалъ, на какомъ мѣстѣ по счету справа или слѣва находился данный цвѣтъ.

Здѣсь онъ даже обнаружилъ необыкновенную остроту зрѣнія: отлично различая, на примѣръ, синій цвѣтъ отъ синевато-зеленаго, хотя цвѣта эти путалъ иногда даже самъ Остенъ.

Потомъ Кралль познакомилъ Ганса съ понятіями: „свѣча горитъ“ и „свѣча не горитъ“; кромѣ того, употребляя для этого три темныхъ ящика съ неодинаково освѣщенными изнутри окошечками, онъ научилъ лошадь словамъ: свѣтло, свѣтлѣе, самый свѣтлый. На различныхъ геометрическихъ фигурахъ Гансъ всегда правильно указывалъ самую длинную,

самую короткую или среднюю линію; умѣлъ также находить линіи, одинаковыя по длинѣ.

Слухъ Ганса Кралль изслѣдовалъ такимъ образомъ: при полной тишинѣ, когда никакіе посторонніе звуки не могли отвлечь вниманіе лошади, онъ лилъ по каплямъ воду на стек-

Гансъ различаетъ цвѣта.

лянную пластинку, причемъ поднималъ стаканъ съ водой все выше и выше, отчего звукъ дѣлался, конечно, все слабѣе и слабѣе. Гансъ долженъ былъ выстукивать, сколько капель онъ слышалъ. Интересно, что иногда Кралль, желая провѣрить Ганса, задавалъ вопросъ тогда, когда еще не упала ни одна капля: „Ну, Гансъ, сколько капель ты слышалъ?“ Въ отвѣтъ на это Гансъ честно и правдиво дѣлалъ отрицательное движеніе головой: „ничего не слышалъ“. Въ общемъ, слухъ Ганса оказался очень тонкимъ.

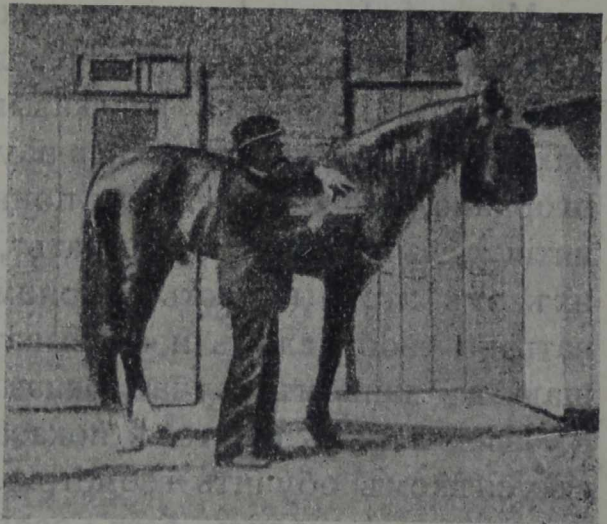
Для испытанія обонянія Ганса, Кралль выбралъ семь различныхъ, но почти одинаково сильныхъ запаховъ: аммоніакъ, іодоформъ, уксусный ээиръ, ванилинъ, карболовую кислоту, скипидаръ и мятное масло. Всѣ эти слова были написаны на доскѣ и противъ cadaго слова ставилась соотвѣтствующая цифра. Гансу подносили на палочкѣ ватку, пропитанную жидкостью съ тѣми или иными запахами, и онъ скоро безошибочно научился распознавать запахи, запоминая ихъ сплошь да рядомъ очень трудныя названія. Однажды Остенъ поднесъ ему палочку, и Гансъ тотчасъ же отстучалъ 3, цифру, соотвѣтствующую іодоформу.—„Это невѣрно,—сказалъ Остенъ,—ты ошибся, Гансъ“.—Гансъ снова отстучалъ ту же цифру 3. Удивленный, Остенъ второй разъ сдѣлалъ ему замѣчаніе; но Гансъ упорно продолжалъ отстукивать 3. Тогда Кралль самъ понюхалъ тряпочку, и что же оказалось? *Лошадь отвѣчала правильно:* Остенъ по ошибкѣ взялъ не ту палочку, какую хотѣлъ.

Что касается вкусового чувства Ганса, то онъ, противъ ожиданія, оказался на рѣдкость „всеяднымъ“ животнымъ: онъ очень любитъ пирожное, шоколадъ, фрукты, сыръ, даже мясо и колбасу. Когда Гансъ освоился съ понятіями „вкусно“ и „не вкусно“, онъ могъ уже безъ труда познакомить учителей со своими вкусами. Оказалось, что больше всего онъ любитъ морковь, потомъ сахаръ; овесъ занималъ чуть ли не послѣднее мѣсто. Выражалъ онъ свои желанія слѣдующимъ образомъ: передъ нимъ ставились чашечки съ морковью, сахаромъ и др.; названія всѣхъ этихъ предметовъ писались на доскѣ, но не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стояли, такъ что Гансъ долженъ былъ найти названіе желаемого лакомства на доскѣ, прочесть его и стоявшую передъ нимъ цифру и отстучать ее; только тогда онъ получалъ то, чего ему хотѣлось.

Изслѣдуя чувство осязанія у Ганса, Кралль слегка прикасался къ его бедру остріями циркуля, сначала только однимъ, потомъ двумя, и спрашивалъ Ганса, сколько остріевъ онъ чувствуетъ. Потомъ онъ сталъ присоединять къ остріямъ циркуля и свои пальцы; наконецъ, брались специально заказанные циркули съ неодинаковымъ числомъ остріевъ; Кралль бралъ какой-нибудь изъ нихъ, не глядя, сколько у него остріевъ, и прикасался имъ къ кожѣ лошади; Гансъ почти всегда давалъ правильные отвѣты, хотя острія находились на разстояніи всего нѣсколькихъ миллиметровъ другъ отъ друга.

Кромѣ того, Кралль поставилъ еще цѣлый рядъ опытовъ, съ цѣлью спеціальнаго изслѣдованія умственныхъ способностей Ганса.

Онъ попытался объяснить ему разницу между одушевленными и неодушевленными предметами. „Скажи мнѣ, Гансъ, ты можешь *видѣть*? Видишь ты эту скамейку?“ спрашивалъ онъ. Гансъ отвѣчалъ утвердительно. „Ну, а какъ ты думаешь, скамейка можетъ тебя видѣть?“ — „Нѣтъ“, отвѣчаетъ Гансъ. — „Такъ. Ну, а теперь, — говоритъ Кралль, желая объ-

Кралль изслѣдуетъ, насколько остро осязаніе Ганса.

яснить своему ученику разницу между *дѣйствительнымъ* и *страдательнымъ* залогомъ, — скажи: можетъ ли скамейка быть видима тобой (*von dir gesehen werden?*)“ — „Да“. — „А Лео (дворовая собака) можетъ видѣть тебя?“ — „Да“. Тѣ же самые вопросы, въ примѣненіи къ людямъ, животнымъ и предметамъ, употреблялись и съ другими глаголами: толкать, слышать. — „Можетъ ли скамейка толкать тебя?“ — „А ты — скамейку?“ — „Можешь ли ты слышать Лео?“ — „А меня?“ — „А я могу слышать тебя?“ — На всѣ эти вопросы лошадь давала правильные отвѣты. — „А что, ты долженъ сдѣлать, чтобы я слышалъ тебя?“ — спрашиваетъ Кралль. — „Ну, сдѣлай что-нибудь, чтобы я тебя слышалъ“. — Гансъ громко и отчетливо ударяетъ копытами о землю. — „Такъ, вѣрно; ты стучишь ногой, и я тебя слышу“.

Гансъ довольно быстро усвоилъ разницу между понятіями „видѣть и слышать“ и „понимать“. Онъ сообразилъ, что можно видѣть или слышать, *не понимая*. Когда ему показывали таблицы съ написанными на нихъ иностранными словами и спрашивали, *видитъ* ли онъ, что здѣсь написано, онъ отвѣчалъ „да“; когда же его спрашивали, „понимаетъ ли онъ это“, онъ отвѣчалъ: „нѣтъ“.

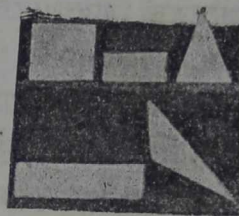
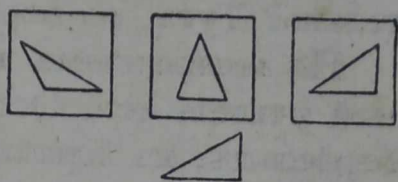
Между тѣмъ, нѣкоторыя дикія племена совершенно не въ состояніи различать понятія „слышать“ и „понимать“. Карль фонъ-деръ-Штейненъ рассказываетъ о бразильскихъ бакаирахъ: „Они очень старались научиться моему языку; ихъ очень огорчало, что они меня не понимали; при чемъ, смѣшивая понятія „слышать“ и „понимать“, они просили меня излѣчить ихъ отъ этого (то-есть непониманія): я долженъ былъ поплевать на свой палецъ и смазывать имъ своей слюной ухо. Лошадь въ данномъ случаѣ оказывалась разумнѣе людей“.

Цѣлый рядъ опытовъ показалъ, что Ганса можно было бы съ успѣхомъ обучить геометріи. Начатки геометріи ему, во всякомъ случаѣ, дались безъ особаго труда. Объ этомъ городской учитель Робертъ Ганъ, присутствовавшій еще при первыхъ опытахъ Остена, въ 1904 году, рассказываетъ слѣдующее: „На кускѣ полотна были прикрѣплены сдѣланные изъ дерева — квадратъ, треугольникъ, кругъ и шестиугольникъ. Я рисовалъ на доскѣ одну изъ этихъ фигуръ, и Гансъ опредѣлялъ ее (вѣроятно, путемъ отстукиванія той цифры, которую данная фигура занимала въ ряду деревянныхъ моделей). Когда я познакомилъ его на шестиугольникѣ съ понятіемъ „стороны“

и „угла“, которые ему еще не были извѣстны, онъ послѣ того на двухъ другихъ фигурахъ правильно показалъ стороны и углы. Черезъ 10 минутъ, когда мы продѣлывали уже совершенно другіе опыты, я нарисовалъ кругъ и спросилъ его: „Гансъ, сколько угловъ въ этой фигурѣ?“—Онъ въ отвѣтъ отрицательно покачалъ головой. Къ этому нужно прибавить, что всѣ отвѣты его провѣрялись путемъ побочныхъ вопросовъ, такъ что приходится исключить возможность случайнаго совпаденія въ отвѣтахъ“.

Впослѣдствіи Кралль научилъ Ганса различать углы: прямой, тупой и острый. Гансъ и тутъ проявилъ свою способность дѣлать самостоятельныя умозаключенія: когда ему показывали рисунокъ съ тремя углами, изъ которыхъ острый и прямой ему уже были извѣстны, и спрашивали: гдѣ же теперь тупой уголъ?—онъ отступивалъ 2 (тупой уголъ на рисункѣ былъ посерединѣ); стало-быть, понималъ, что незнакомому названію долженъ соответствовать и неизвѣстный уголъ. Такимъ же образомъ Гансъ усвоилъ себѣ понятіе треугольниковъ прямоугольныхъ, тупоугольныхъ и т. п.; находилъ прилежащія стороны и противолежащую, указывалъ прямой уголъ при всякомъ положеніи прямоугольнаго треугольника и т. п. Итакъ, изъ всѣхъ наукъ Гансъ обучался чтенію, ариѳметикѣ и геометріи. Какъ знать, можетъ-быть, и другія или нѣкоторыя изъ другихъ нашихъ наукъ могли быть ему доступны, хотя бы въ томъ же самомъ зачаточномъ состояніи?

Интересно, что у знаменитаго дрессировщика животныхъ, Владиміра Дурова, была собака-географъ, помѣсь дворняжки, тоже извѣстной дрессированной собаки Бишки, съ таксой. Звали ее Запятайка. Она умѣла находить на картѣ Европейской Россіи любое изъ морей, ее омывающихъ, при чемъ требованіе отыскать то или другое море исходило не отъ хозяина, а отъ лицъ изъ публики. „Ну-ка, Запятайка, покажи, гдѣ Каспійское море!“ просить кто-нибудь. Собака подходитъ къ картѣ и увѣренно тыкается въ Каспійское море мордочкой или лапкой. Самъ Дуровъ объясняетъ это удивительное явленіе вну-

Фигуры для изученія основныхъ понятій по геометріи.

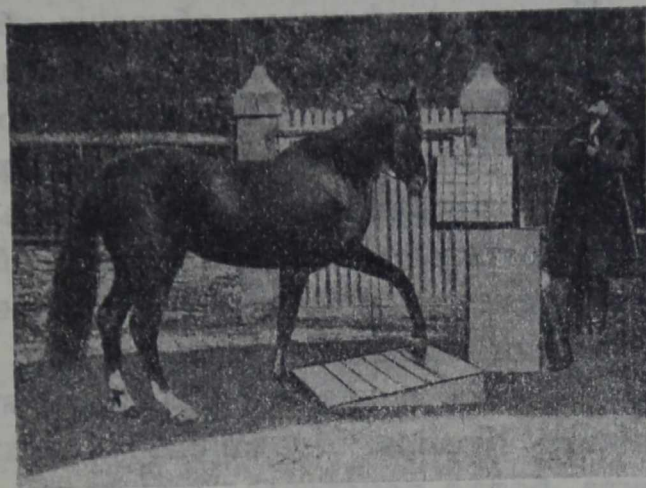
шеніемъ, гипнотизмомъ: „Я мысленно рисоваль въ ея мозгу очертанія заданнаго моря, которыя тамъ, такъ сказать, отпечатывались“. Но тутъ же онъ какъ бы оговаривается: „Здѣсь же отмѣчу, что объектъ для внушенія, то-есть карта, очень неблагоприятенъ для гипнотическихъ дѣйствій, благодаря сложности и прихотливости очертаній какого-нибудь моря (ибо эти моря въ общемъ между собою схожи). Исходя изъ этого, можно предположить, что у Запятайки была удивительно развитая духовная организація, разъ она въ состояніи была воспринять такія тонкости и мелкія подробности“. Быть-можетъ, благодаря этой тонкой духовной организаціи, собака просто запомнила имена морей и соотвѣтствующее каждому изъ нихъ очертаніе, и дѣйствовала не подъ гипнозомъ, а вполне сознательно? Тутъ, во всякомъ случаѣ, неразрѣшенная загадка.

Но возвращаюсь къ Гансу. Въ 1909 году хозяинъ и первый учитель его, Остенъ, умеръ, и онъ переселился въ Эльберфельдъ, къ Краллю, гдѣ живетъ и до сихъ поръ.

Кралль еще до смерти Остена пріобрѣлъ двухъ лошадей, арабскихъ жеребцовъ, съ которыми занимался по примѣру Остена. Лошади были еще совсѣмъ молодыя: двухъ и двухъ съ половиною лѣтъ. Звали ихъ Мухамедъ и Царифъ. У Кралля занятія пошли гораздо быстрее и успешнѣе, чѣмъ у Остена. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ начала занятій ученики уже научились на слова: гдѣ правая сторона?—дѣлать движеніе головой, только ошибались, путая правую сторону съ лѣвой. На другой день они уже безошибочно отличали правую отъ лѣвой. Съ каждой лошадию Кралль занимался отдѣльно, по 2 часа въ день,—часъ до обѣда и часъ вечеромъ. При такихъ условіяхъ ученики не утомлялись, тѣмъ болѣе, что учитель съ любовью слѣдилъ самъ за всѣми условіями ихъ жизни: наблюдалъ за чистотой конюшни, отправлялъ ихъ каждый день на прогулку либо въ манежъ, либо просто въ поле. Первое время лошади занимались очень охотно, такъ какъ Кралль старался всячески разнообразить какъ предметъ занятій, такъ и самые способы отвѣтовъ: ученики отвѣчали не только отстукиваніемъ и движеніемъ головъ, какъ Гансъ, но и ржаніемъ, подниманіемъ ногъ, а иногда просто, подходя къ указанному предмету, прикасались къ нему. Впрочемъ, при счетѣ и чтеніи приходилось примѣнять исключительно отстукиваніе, какъ наиболѣе ясный и надежный способъ. Чтобъ у лошадей не очень уставали ноги, Кралль научилъ ихъ отстукивать единицы пра-

вой ногой, десятки—лѣвой, сотни—опять правой и т. д. Такимъ образомъ, большія числа обозначались небольшимъ количествомъ ударовъ. Чтобы отстучать, на примѣръ, цифры 1246, достаточно было отстучать 6 разъ правой ногой, 4—лѣвой, 2—снова правой и 1—лѣвой. Для того, чтобы при счетѣ ударовъ не ошибиться, Кралль заставлялъ лошадей стучать не по землѣ, а по толстой доскѣ, положенной на землю съ легкимъ наклономъ. Отъ этого удары звучали рѣзче, лошади приходилось поднимать ногу выше, и ошибиться, не разслышать или счесть нечаянное движеніе за ударъ уже нельзя было.

Черезъ двѣ недѣли Мухамедъ и Царифъ сдѣлали такіе успѣхи, что обрадованный учитель счелъ возможнымъ показать ихъ постороннимъ лицамъ. Оказалось, что Мухамедъ уже знаетъ числа до 10 и умѣетъ производить съ ними три дѣйствія: сложеніе, вычитаніе и умноженіе. Впослѣдствіи онъ оказался замѣчательнымъ математикомъ, тогда какъ Царифъ обладалъ далеко не такими блестящими способностями, какъ его товарищъ.

Мухамедъ выстукиваетъ отвѣтъ.

По прежнимъ опытамъ своимъ съ умнымъ Гансомъ Кралль уже зналъ, какъ старательно нужно избѣгать появленія скуки при занятіяхъ, и потому прекращалъ иногда занятія на нѣсколько недѣль, давая ученикамъ отдохнуть. Сперва лошади во время этихъ перерывовъ забывали многое изъ того, чему ихъ успѣли обучить, но съ теченіемъ времени память ихъ все укрѣплялась, и, во всякомъ случаѣ, заученное, хотя бы и забытое, всегда легко было возстановить въ ихъ памяти.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ оба ученика научились выполнять цѣлый рядъ приказаній, *не только на нѣмецкомъ, но и на иностранныхъ языкахъ*. Приказанія эти частью давались на словахъ, частью писались на доскѣ, либо нѣмецкимъ (готическимъ), либо латинскимъ шрифтами, либо греческими буквами. „Сдѣлай то, что здѣсь написано!“ приказывалъ Кралль, и лошадь

читала и исполняла приказаніе. Такимъ образомъ Мухамедъ и Царифъ умѣли разбирать три различныхъ шрифта, а словесно понимали еще нѣкоторыя приказанія на французскомъ языкѣ. Затѣмъ они научились, какъ и Гансъ, узнавать, который часъ, а впоследствии научились отвѣчать, какой сегодня день и мѣсяцъ. Мѣсяцы они, конечно, обозначали цифрами: январь—1, февраль—2 и т. д.

Болѣе способный Мухамедъ умѣлъ, кромѣ того, опредѣлить не только, какое число будетъ завтра или было вчера, но какое было недѣлю тому назадъ или будетъ черезъ двѣ недѣли. Сперва обѣ лошади дѣлали характерныя ошибки: напримѣръ, вмѣсто 2 декабря называли 32 ноября, или январь считали тринадцатымъ мѣсяцемъ.

Черезъ 5 мѣсяцевъ обученія обѣ лошади знали уже все то, на что Гансу понадобилось нѣсколько лѣтъ. Интересно, что менѣе способный Царифъ, во время совмѣстнаго обученія азбукѣ, „подглядывалъ“, какъ плохой ученикъ, отвѣты Мухамеда, и повторялъ ихъ. Но потомъ врожденное стремленіе къ самостоятельности взяло верхъ: обѣ лошади стали отвѣчать одновременно, и часто неодинаково.

Среди лошадей, какъ и среди людей, встрѣчаются какъ болѣе, такъ и менѣе одаренныя натуры; такъ было и съ ученикомъ Кралля. Младшій, Мухамедъ, былъ, какъ я уже говорила, болѣе понятливъ; ему часто легко давались самыя трудныя задачи: зато характеръ у него былъ непостоянный, капризный и упрямый. Царифъ, наоборотъ, былъ кроткій, вялый, какъ будто бы даже забитый жеребецъ; соображалъ и усваивалъ онъ гораздо медленнѣе, чѣмъ Мухамедъ, но зато рѣже упрямылся, такъ что вскорѣ догналъ своего товарища.

Занимаясь съ лошадьми, Кралль все время разговаривалъ съ ними такъ, какъ если бы они уже вполне понимали человеческую рѣчь, надѣясь, что такимъ образомъ они мало-помалу сами будутъ узнавать значеніе словъ. Онъ помнилъ, какъ Умный Гансъ сразу понялъ объясненіе Остена о закрытой и открытой сторонѣ шапки, хотя словамъ этимъ его не учили.

Часто такимъ же образомъ поступаютъ и съ дѣтьми. Родители, желая научить дѣтей иностранному языку, берутъ имъ гувернантку, ни слова не знающую по-русски. Слыша постоянно чужую рѣчь, дѣти быстро осваиваются съ ней и сами привыкаютъ говорить на чужомъ языкѣ.

Прежде всего и усерднѣе всего Кралль занимался со своими учениками математикой. Счету онъ, такъ же какъ и Остенъ, училъ ихъ по кеглямъ: ставилъ передъ лошадью кеглю и отчетливо говорилъ: одинъ, поднимая при этомъ ногу ученика. При двухъ кегляхъ нога поднималась и стучала 2 раза и т. д. Черезъ нѣсколько дней лошади уже сами стучали ногой въ отвѣтъ на вопросъ: „какое это число?“ или на приказаніе: „считай!“ На четвертый день обученія Кралль уже познакомилъ ихъ съ цифрами, при чемъ цифры эти были изображены на карточкахъ, и лошади должны были подходить къ той цифрѣ, которую имъ называли, и прикасаться къ ней. Передъ каждой карточкой Кралль клалъ кусокъ хлѣба, для того, чтобы въ сознаніи ученика изображеніе и названіе числа соединялось съ ощущеніемъ чего-то пріятнаго. Затѣмъ цифры стали писаться на доскѣ, а недѣли черезъ двѣ, когда обѣ лошади уже безошибочно различали числа отъ 1 до 4, Кралль перешелъ къ ариѳметическимъ дѣйствіямъ.

Здѣсь опять онъ работалъ по примѣру Остена, только для удобства употреблялъ, вмѣсто кегель, счетную линейку Шнейдера.

Когда перешли къ десяткамъ и Кралль научилъ лошадей отстукивать ихъ лѣвой ногой, оба ученика долго еще, отстукивая 20 и 30, дѣлали прежде, чѣмъ отстучать два удара лѣвой ногой, еще отрицательное движеніе головы, означавшее нуль; этимъ они какъ бы хотѣли сказать, что единицъ въ этихъ числахъ нѣтъ. Для обученія умноженію, Кралль пользовался особой таблицей. Сложеніе, вычитаніе и умноженіе лошади усвоили довольно быстро; дѣленіе оказалось нѣсколько труднѣе. Первое время ученики путали сложеніе съ умноженіемъ, вычитаніе съ дѣленіемъ; потомъ это прошло. Иногда они дѣлали какое-нибудь дѣйствіе *по собственному почину*; на примѣръ, сдѣлавъ сложеніе и видя, какъ учитель стираетъ + (знакъ сложенія), сами начинали перемножать тѣ же цифры. Интереснѣе же всего то, что иногда лошади замѣчали ошибку у себя въ вычитаніи, и тотчасъ же *сами* исправляли ее, повторяя иной разъ вѣрный отвѣтъ по нѣскольку разъ, какъ бы для того, чтобы лучше его запомнить.

Кромѣ простыхъ дѣйствій, Мухамедъ и Царифъ научились еще многому другому. Они умѣли превращать простыя дроби въ десятичныя и обратно; находили общаго знаменателя (это имъ особенно удавалось); рѣшали уравненія съ однимъ не-

извѣстнымъ; наконецъ, умѣли возводить числа въ степень и извлекать корни разныхъ степеней. Оказалось, что математическія способности ихъ превзошли всѣ ожиданія Кралля; они научились тому, чего никогда не зналъ Умный Гансъ. И все это давалось имъ гораздо быстрѣе и легче, чѣмъ Гансу, благодаря лучшимъ условіямъ, въ которыя они были поставлены. Для того, чтобы объяснить лошадямъ дроби, Кралль разрѣзалъ бумажную ленту пополамъ, потомъ на четверти и восьмая части; потомъ разрѣзанныя части опять прикладывали другъ къ другу, показывая, что они образуютъ цѣлое.

Возведеніе въ степень онъ объяснялъ такъ: Кралль написалъ на доскѣ $2^2 = 2 \times 2$ и сказалъ, что маленькая цифра, стоящая наверху, означаетъ, сколько разъ надо данное число помножить на самого себя; то-есть далъ то же объясненіе, какое дается школьникамъ, съ тою разницей, что для лошадей необходимо слова сопровождать соотвѣтствующими жестами, такъ какъ нельзя быть увѣреннымъ, что онѣ поймутъ всѣ слова. Такимъ же образомъ велось и объясненіе извлечения корней.

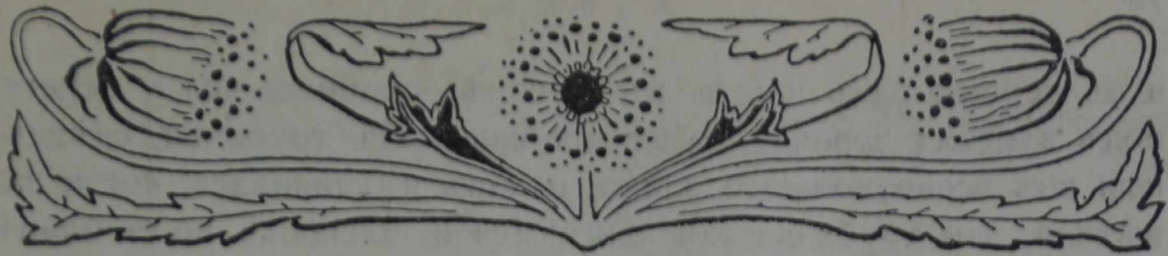
Понятіе о неизвѣстномъ, котораго Кралль обозначалъ опять-таки совершенно какъ для дѣтей, буквой X, лошади усвоили въ нѣсколько уроковъ.

Въ концѣ концовъ Мухамедъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что могъ производить въ умѣ всѣ четыре дѣйствія надъ любыми двузначными числами, а это не всякому человѣку дается.

Иногда, чтобы разнообразить и оживить уроки, Кралль бралъ карточки съ цифрами, окрашенными въ разные цвѣта, при чемъ встрѣчались и различные оттѣнки одного и того же цвѣта. Тогда вопросы задавались въ такой формѣ: „Назови зеленую цифру! Сколько здѣсь синихъ цифръ? Какая самая свѣтлая? Сложи всѣ синія цифры! Помножь зеленую на красную!“ и т. д. Такимъ образомъ одновременно съ уроками математики можно было провѣрить, различаетъ ли лошадь цвѣта. Когда ученики уже умѣли читать, числа писались иногда для разнообразія не цифрами, а буквами, французскими или нѣмецкими.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Яковлева.

СВОИМЪ ДОМКОМЪ.

Кто носить свой домъ на спинѣ?—Конечно, улитка. Вы, навѣрное, знаете эту загадку,—слыхали ее еще тогда, когда были маленькими, а теперь, можетъ-быть, загадываете ее своимъ младшимъ братьямъ и сестрамъ. Но такъ дѣлаетъ не одна улитка; я знаю еще маленькихъ созданий, которыя носятъ свои домики съ собою, прячась въ нихъ при малѣйшей тревогѣ. Хотите, я расскажу вамъ про нихъ?

Когда я была дѣвочкой, я страшно любила торчать у воды и наблюдать за тѣмъ, что въ ней дѣлается. Когда наступала весна и теплые лучи весенняго солнышка прогрѣвали какъ слѣдуетъ воду, я по цѣлымъ часамъ пропадала изъ дома, просиживала на корточкахъ на берегу пруда, лежала, растянувшись, животомъ внизъ, на травѣ у какой-нибудь лужи или канавы и смотрѣла во всѣ глаза въ воду... передъ моими глазами развертывался цѣлый новый мѣръ, удивительно разнообразный и интересный...

Я смотрѣла, какъ смѣшные длинноногіе клопы-водомерки бѣгаютъ по водѣ, словно по суху, какъ кружатся въ водѣ, сверкая искрами на солнцѣ, жучки-вертячки, какъ плаваютъ, виляя хвостиками, толстые, черные головастики и иногда съ замираніемъ сердца слѣдила за тѣмъ, какъ одна изъ прелестныхъ легкокрылыхъ стрекозъ порхающимъ полетомъ спускалась къ водѣ и, изогнувъ свое тонкое стальное брюшко, чуть подрагивая кисейными крыльями, сверкавшими перламутромъ на солнцѣ, клала на высунувшійся изъ воды сучекъ яички... Да мало ли что еще я здѣсь видѣла,—всего не перескажешь!..

И я какъ сейчасъ помню тотъ день, когда, роясь на днѣ свѣтлаго, прозрачнаго ручейка, съ чистою, какъ слеза, водою,

я въ первый разъ нашла въ мусорѣ, скопившемся у берега, подъ кустами лозняка, чудесныя маленькія трубочки, сдѣланныя изъ всевозможнаго хлама, и какъ я удивилась, когда замѣтила, что трубочки эти двигаются и ползаютъ по стеблямъ подводныхъ растеній!

Я смотрѣла во всѣ глаза, притаивъ дыханіе, и вдругъ замѣтила, какъ изъ отверстія одной трубочки выглянула маленькая зеленовато-бурая головка съ темными глазами; за нею показалось и еще нѣсколько члениковъ съ тремя парами тоненькихъ ножекъ, и я поняла въ чемъ дѣло: это была личинка, и маленькая ползучая трубочка оказалась домикомъ, въ которомъ она пряталась!

Я узнала потомъ, что это личинка одного маленькаго насѣкомаго, зовутъ его веснянкой, мошкой, метлой, метлицей, а чаще ручейникомъ за то, что его личинки часто попадаютъ въ ручьяхъ.

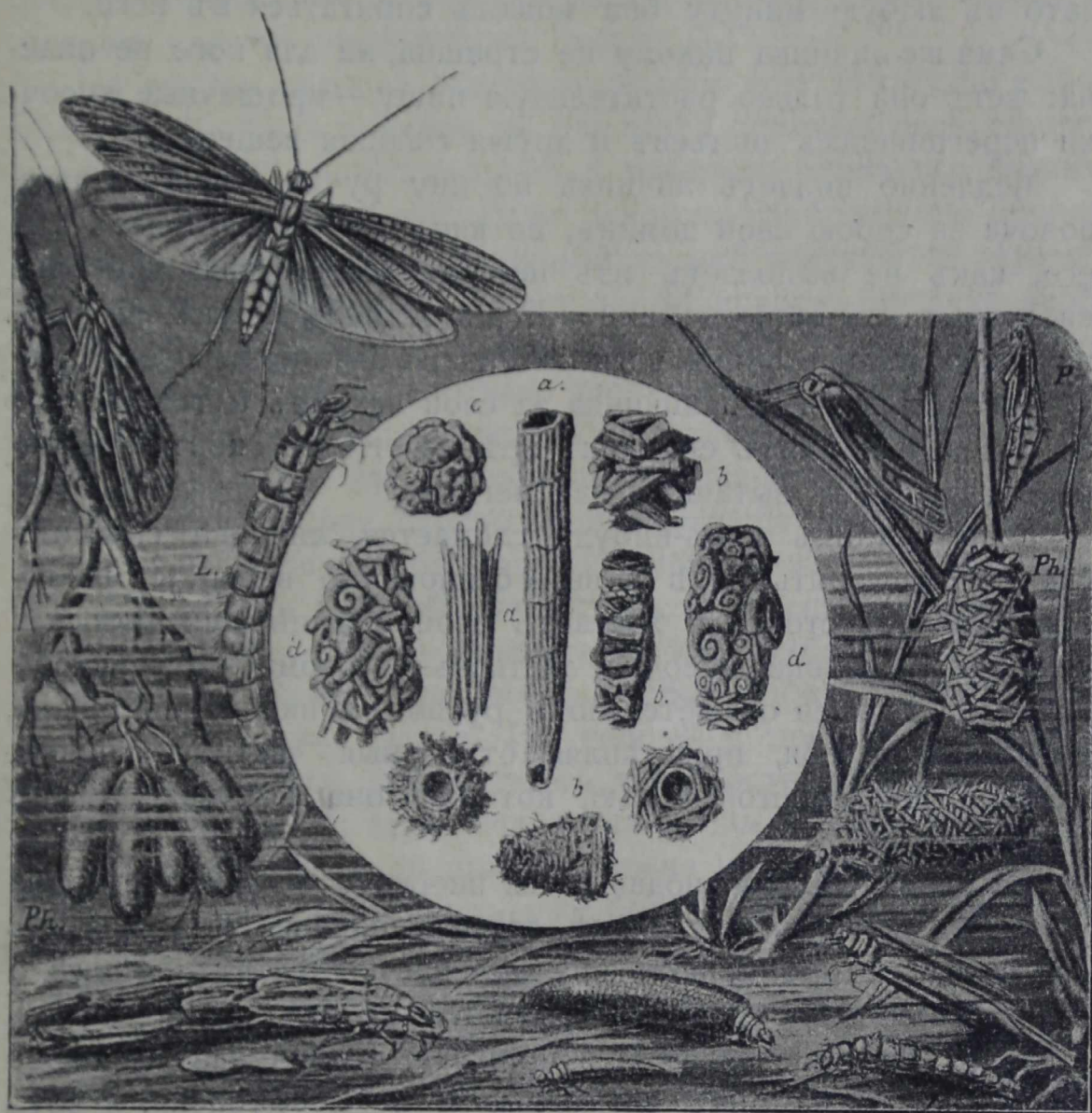
Вотъ личинка повернула головку въ одну, въ другую сторону, проползла немного, схватила что-то и стала ѣсть... глядь, неподалеку показался большой жукъ-плавунецъ, и личинка опять проворно спряталась въ свою трубочку,—не достанетъ ея оттуда плавунецъ, не одолѣетъ крѣпкой трубочки, да, пожалуй, и не замѣтитъ ея: среди разнаго мусора—мелкихъ былинковъ и кусочковъ листьевъ, лежащихъ на днѣ, она и сама-то кажется комочкомъ мусора.

Я много находила ихъ потомъ, находила и въ илѣ, который вытаскивала своимъ сачкомъ со дна нашего пруда; но больше всего попадалось мнѣ ихъ на днѣ чистыхъ ручьевъ и рѣчекъ, съ свѣтлымъ песчанымъ дномъ. И какихъ-какихъ трубочекъ, только здѣсь не было! Были и совсѣмъ прямыя, и изогнутыя рожкомъ, и утолщенныя съ одного конца, и тонкія съ другого—всѣхъ и не перечесть! Однѣ трубочки были слѣплены изъ рѣчного песку, другія—изъ мелкихъ кусочковъ камыша, изъ узкихъ полосокъ и полусгнившихъ листьевъ, изъ всевозможнаго сора, перемѣшаннаго, вѣроятно, для тяжести съ крошечными камешками, а разъ я нашла преинтересную трубочку, сдѣланную изъ однихъ крошечныхъ раковинокъ завитушекъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сидѣли даже ихъ хозяева—маленькія улиточки катушки и спокойно высовывали свои головки изъ раковинокъ, въ то время какъ трубочка медленно передвигалась по стеблю камыша.

Въ ручьяхъ и рѣчкахъ съ быстрымъ теченіемъ я замѣчала,

что чехлики веснянокъ чаще всего бываютъ сдѣланы изъ крупныхъ песчинокъ и камешковъ, чтобы они были потяжелѣе и чтобы ихъ не сносило течениемъ.

Головка и первый членикъ личинки покрыты толстой роговой оболочкой; дальше членики одѣты уже только тонкой

Ручейники (веснянки, поленки), ихъ личинки и куколки. Въ среднемъ кругѣ чехлики личинокъ, сдѣланные изъ различныхъ матеріаловъ. *L*—личинки, вынутыя изъ чехликовъ; *Ph*—куколки; *P*—куколка, вылѣзшая изъ оболочки, чтобы превратиться во взрослое насекомое.

кожицей, а если бы вы вынули всю личинку изъ чехлика, то вы увидали бы, какое слабое и нѣжное у нея остальное тѣльце, въ особенности же ея брюшко съ пучочками тонкихъ длинныхъ ниточекъ—трахейныхъ жабръ, которыми личинка дышитъ! Глядя на это мягкое, беспомощное тѣльце, вы поймете, зачѣмъ личинкѣ понадобилось устраивать такой проч-

ный домикъ и всюду таскать его за собою: да вѣдь безъ него ей и часа не прожить бы въ ручьѣ,—не успѣла бы она взглянуть на свѣтъ Божій, какъ уже сдѣлалась бы добычею кого-нибудь изъ обитателей ручья. Не легко ей таскать за собою домикъ,—еле подвигается она подъ его тяжестью, да зато въ любую минуту она можетъ спрятаться въ него.

Сама же личинка никому не страшна, ни для кого не опасна: ѣсть она только растительную пищу — крошечные кусочки перегнившихъ листьевъ и другія гнѣющія вещества.

Медленно ползетъ личинка по дну ручья, точно улитка, волоча за собою свой домикъ, но какъ же не потеряетъ она его, какъ не выползетъ изъ него совсѣмъ,—вѣдь трубочка ея открыта съ обоихъ концовъ? На заднемъ концѣ ея тѣла, на послѣднемъ членикѣ есть по бокамъ два крошечныхъ крючечка; зацѣпится ими личинка за свой чехликъ и тащитъ его за собою и держитъ его такъ крѣпко, что ее скорѣе можно разорвать, чѣмъ вытащить изъ него.

Если чехликъ какъ-нибудь сломается, личинка спѣшитъ скорѣе смастерить себѣ новый; безпокойно вертитъ она головою во всѣ стороны, хватаетъ своими длинными ножками былинки, песчинки, кусочки листьевъ—словомъ, тотъ матеріаль, какой у нея окажется подъ руками, и начинаетъ обкладывать имъ себя, прикрѣпляя отдѣльныя частицы тонкой, клейкой шелковистой нитью, которую она выпускаетъ изъ нижней губы.

Ея работа быстро подвигается впередъ: вотъ она сдѣлала уже себѣ поясокъ посрединѣ тѣла и начинаетъ расширять его въ обѣ стороны; вотъ она уже щеголяетъ въ лифчикѣ, а вотъ и все тѣло ея уже скрывается въ трубочкѣ; мѣстами здѣсь и тамъ еще виднѣются прорѣхи, но личинка проворно накладываетъ на нихъ все новые и новые кусочки, и вотъ чехликъ совсѣмъ готовъ; ни одного мѣстечка не осталось на немъ, которое бы не было прикрыто какимъ-нибудь кусочкомъ. Окончивъ постройку чехлика, личинка принимается усердно выстилать его внутри шелковистыми нитями и подбиваетъ его нѣжной шелковой подкладкой.

И вотъ наша личинка уже разгуливаетъ по дну съ новымъ домикомъ на спинѣ и какъ будто бы чувствуетъ себя въ немъ такъ же хорошо и покойно, какъ и въ старомъ.

Наступаетъ осень, холоднѣе становится вода; приближается зима, и личинки веснянки зарываются въ иль и коченѣютъ.

А весною, скоро послѣ того, какъ выглянуть онѣ на свѣтъ Божій и начнутъ ползать по дну, приходитъ имъ время закукливаться.

Предчувствуя важныя перемѣны въ своей жизни, личинка прикрѣпляетъ свой чехликъ къ камню, или къ стеблю какого-нибудь подводнаго растенія, прячетъ въ него свою головку и больше уже не показывается наружу.

Но внутри чехлика она продолжаетъ еще дѣятельно работать: осторожная личинка не рѣшается оставить свой домикъ открытымъ съ обоихъ концовъ и хочетъ запереть его дверками. Но какъ тутъ быть? Если закрыть трубочку съ обоихъ концовъ, то вода и растворенный въ ней воздухъ не будутъ проникать въ трубочку, а постоянный притокъ воздуха необходимъ для развитія куколки, которая будетъ въ ней покоиться... Нѣтъ, нѣтъ, плотныя дверки тутъ не годятся! Надо устроить что-нибудь другое... И наша личинка молодцомъ выходитъ изъ этого затрудненія: не годится дверка, такъ годится рѣшеточка, которая, плотно запирая отверстіе трубочки, пропускала бы черезъ себя воду. И личинка затягиваетъ концы своей трубочки плотной сѣткой изъ толстыхъ шелковыхъ нитей и превращается въ куколку внутри трубочки.

Куколка лежитъ спокойно въ трубочкѣ и набирается силъ... Да какая же она чудная! На головѣ у нея между темными глазками торчитъ хоботокъ съ двумя острыми бурыми крючечками на концѣ; этими крючечками она прорветъ рѣшетку въ трубочкѣ, когда ей придетъ время покинуть ее, а потомъ, когда крючечки не станутъ уже больше ей нужны, они упадутъ сами собою.

У другихъ куколокъ все тѣло покрыто, будто запеленато въ одну общую сплошную оболочку, а у этой куколки каждая часть тѣла, каждая ножка, каждый усикъ, крылышко, одѣты особымъ чехликомъ.

Вотъ и пришла пора нашей куколкѣ выбираться изъ чехлика; прорвала она отверстіе въ рѣшеточкѣ и всплыла на спинкѣ на поверхность ручья. Она будетъ плавать такъ, пока ее не прибьетъ къ сушѣ или къ какому-нибудь растенію, высунувшемуся изъ воды. Тутъ куколка начинаетъ карабкаться наверхъ по стеблю вонъ изъ воды; вѣдь она можетъ карабкаться своими ножками, такъ какъ каждая изъ нихъ одѣта отдѣльнымъ чехликомъ,—не связаны онѣ у нея, не спеленаты общей пеленкой, какъ у другихъ куколокъ.

Вотъ и выбралась куколка изъ воды, взобралась повыше на стебель, сбросила съ себя оболочки, обчистила ножки, усики, мало-по-малу расправила крылышки—и появилась на свѣтъ Божій нѣжнымъ длинноусымъ насѣкомымъ съ сѣровато-бурыми волосистыми крылышками, отороченными по краямъ тонкими рѣсничками—взрослой веснянкой, и уже полетѣла надъ водою порхающимъ, неровнымъ полетомъ!..

Не успѣютъ веснянки вылетѣть на свѣтъ Божій, только немного полетаютъ, покружатся въ солнечныхъ лучахъ, еще оболочки куколокъ, изъ которыхъ онѣ вышли, плаваютъ у берега и висятъ на стебляхъ около того мѣста, гдѣ онѣ покинули ихъ, а онѣ уже принимаются класть яички, окруженные густымъ студнемъ.

Этотъ студень имѣетъ большое значеніе для яичекъ: разбухнувъ въ водѣ, онъ легко плаваетъ на поверхности воды въ самыхъ теплыхъ ея слояхъ, на солнечномъ пригрѣвѣ, а тепло такъ необходимо для развитія этихъ крошечныхъ яичекъ; студень скрѣпляетъ между собой яички, чтобы они не растерялись, не попали въ то мѣсто, гдѣ изъ нихъ не могутъ развиваться личинки. Студень защищаетъ ихъ, потому что легко выскальзываетъ изо рта рыбы, которая попробуетъ схватить его, студень же будетъ служить первой пищей вылупившимся личинкамъ.

Проходитъ нѣсколько дней, и въ маленькихъ яичкахъ пробуждается жизнь; изъ нихъ вылѣзаютъ крошечныя личинки, такія крошечныя, что ихъ можно разглядѣть только въ хорошую лупу; имъ хочется поскорѣе посмотрѣть на бѣлый свѣтъ, но не тутъ-то было: студень не пускаетъ ихъ, онъ окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Чтобы выбраться на волю, имъ приходится проѣсть въ немъ себѣ дорогу. Личинки голодны и принимаются за мягкій нѣжный студень; ѣдятъ-ѣдятъ и вотъ онѣ уже пробились на свободу, спускаются на дно, вертятъ головками туда и сюда и уже спѣшатъ, хватаютъ песчинки, обрывки листьевъ, былинки, что попадется, торопятся поскорѣе прикрыть свое тѣло!..

В. Лукьянская.

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ.

Маленькіе японцы.

Повѣсть Люси Фичъ-Перкинсъ.

(Продолженіе.)

ГЛАВА IV.

Дождливый день.

Когда близнецы проснулись на слѣдующее утро, было холодно, и по крышѣ барабанилъ дождь. Дѣти не могли сразу выглянуть въ окно, чтобы посмотрѣть, что творится въ саду, потому что въ японскихъ домахъ не бываетъ стеклянныхъ окошекъ. вмѣсто стеколъ въ окна вставляютъ тамъ красивыя рамы, на которыя натягивается бѣлая полупрозрачная бумага. Такіе экраны ставятъ у насъ иногда передъ каминомъ.

Таро отодвинулъ въ сторону экранъ и выглянулъ въ садъ.

— Совсѣмъ мокро! — сказалъ онъ: — мы не можемъ сегодня играть въ саду.

— Ну, ничего, намъ будетъ весело и дома, — утѣшила его Такэй. — Я могу придумать много интересныхъ игръ.

— Я тоже могу придумать, если постараюсь, — сказалъ Таро.

— Ну, такъ постарайся, пожалуйста, — попросила Такэй.

Пока близнецы одѣвались, они все время придумывали, во что бы имъ потомъ играть. Такъ какъ сегодня

было холодно, они одѣли на себя по три кимоно, и отъ этого казались очень толстыми.

— Я придумала одну игру! — вдругъ воскликнула Такэй, надѣвая послѣднее кимоно.

— Я тоже, — сказалъ Таро. — Послѣ завтрака мы сначала сыграемъ въ твою игру, а потомъ въ ту, которую придумалъ я.

Когда они позавтракали, мать пошла проводить отца на работу, послѣ этого она должна была еще купать Бот-Чэна; поэтому близнецы обратились за помощью къ бабушкѣ.

— О, Ба Санъ (это значитъ „уважаемая бабушка“), — сказала Такэй, — сегодня на улицѣ холодно и идетъ

дождь, поэтому мы будемъ играть дома. Можешь ты дать намъ разноцвѣтнаго песку?

— Ахъ, я знаю теперь, что ты хочешь дѣлать! — закричалъ Таро.

Бабушка принесла дѣтямъ четыре ящичка. Въ одномъ изъ нихъ лежалъ желтый песокъ, въ другомъ черный; въ двухъ остальныхъ ящичкахъ былъ красный и синій песокъ. Бабушка дала дѣтямъ еще по листу бѣлой бумаги.

— Спасибо, о, Ба Санъ! — сказали близнецы.

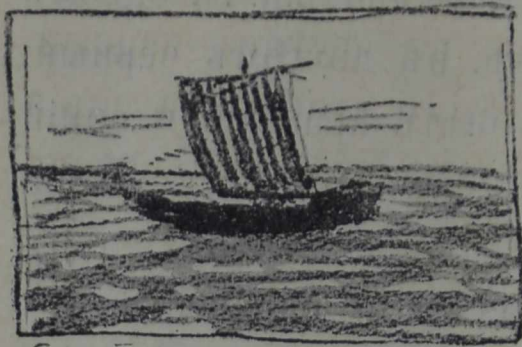
Они разложили бумагу на полу. Одинъ листъ взялъ себѣ Таро, другой взяла Такэй.

— Я нарисую корабликъ, плывущій по морю, — сказалъ Таро.

Онъ взялъ въ правую руку горсточку синяго песку

и сталъ медленно ссыпать его между пальцами на бумагу, пока у него не получилось синее море.

— Теперь я сдѣлаю желтое небо, какое бываетъ вечеромъ передъ закатомъ солнышка,—и онъ началъ сы-

пать на бумагу между пальцами лѣвой руки желтый песокъ.—А на желтомъ небѣ я сдѣлаю еще красныя облака,—эти облака Таро сдѣлалъ изъ краснаго песку. Когда небо было готово, онъ взялъ

горсточку чернаго песку и сдѣлалъ изъ него корабликъ.

На нашемъ рисункѣ показано, какую картину сдѣлалъ Таро, только у него она была не черная, а цвѣтная. Парусъ у кораблика Таро сдѣлалъ синимъ, потому что у него не было бѣлаго песку.

— Ахъ, Таро, какъ это красиво!—невольно воскликнула Такэй.—Я увѣрена, что моя картина будетъ гораздо хуже. Что бы мнѣ сдѣлать?.. Ахъ, я придумала! Я сдѣлаю озеро и на берегу его дерево.

Она взяла немного голубого песку и сдѣлала изъ него маленькое озерко. Потомъ изъ чернаго песку она сдѣлала стволъ и сучья дерева. При этомъ у ней нечаянно рассыпался черный песокъ, и на голубой водѣ получились черныя крапинки.

— Ой, что я сдѣлала!—воскликнула она.— Я просыпала черный песокъ.

Таро посмотрѣлъ на ея рисунокъ.

— Сдѣлай на этихъ мѣстахъ зеленые листья,—посоветовалъ онъ.

— Нѣтъ, здѣсь не должно быть листьевъ, — сказала Такэй.

Она взяла въ одну руку горсточку синяго песку, а въ другую желтаго и за разъ высыпала на бумагу тотъ и другой песокъ. Тогда синій и желтый песокъ, смѣшавшись, сдѣлался зеленаго цвѣта, и дерево покрылось сверху зеленой листвою.

— Я придумала, — что мнѣ сдѣлать изъ этихъ черныхъ крапинокъ! — воскликнула Такэй. — Пусть это будетъ у меня рой пчелъ.

На нашемъ рисункѣ вы можете видѣть картину Такэй. На берегу озера стоитъ дерево, и къ нему летятъ черныя пчелки.

— А твоя картина вышла нисколько не хуже моей, — сказалъ Таро.

— Ахъ, нѣтъ, твоя гораздо лучше! — поспѣшила вѣжливо замѣтить Такэй.

Близнецы показали бабушкѣ готовыя картины, и бабушка очень похвалила ихъ.

— Ну, а теперь скажи мнѣ, во что ты хотѣлъ играть, Таро? — спросила Такэй, когда весь песокъ былъ убранъ на мѣсто.

— Для этого мнѣ надо сначала сходить въ садъ, — отвѣчалъ Таро.

— Надѣнь деревянные башмаки, возьми зонтикъ и не оставайся подъ дождемъ дольше одной минуты, — сказала ему бабушка.

Таро одѣлъ башмаки, открылъ зонтикъ и выбѣжалъ въ садъ. Такэй никакъ не могла догадаться, что онъ

хочетъ сдѣлать. Она слѣдила за нимъ черезъ полуотворенную дверь.

Таро перебѣгалъ отъ одного дерева къ другому, осматривалъ ихъ стволы, заглядывалъ подъ листья,

словно искалъ что-то. Затѣмъ онъ присѣлъ на землю и схватилъ кого-то рукой.

— Одного я уже поймалъ! — воскликнулъ онъ.

— Кого? — крикнула ему Такэй.

— Жука!

Скоро Таро нашель и второго жука. Тогда осторожно, стараясь не

причинить имъ вреда, онъ принесъ обоихъ жуковъ домой и посадилъ ихъ въ картонную коробку. Затѣмъ онъ принесъ еще листъ бумаги и маленькій перочинный ножикъ.

— Таро, что ты хочешь дѣлать? — спросила, сгорая отъ нетерпѣнія, Такэй.

— Если ты и бабушка поможете мнѣ, я сдѣлаю двѣ маленькихъ колясочки и запрягу въ нихъ жуковъ.

— А жукамъ не будетъ больно? — спросила Такэй.

— Нѣтъ, мы сдѣлаемъ это осторожно, — отвѣчалъ Таро.

Такэй побѣжала за нитками, а Таро пошелъ къ бабушкѣ, чтобы попросить ее помочь имъ. Бабушка всегда была готова помочь близнецамъ. Черезъ нѣкоторое

время на полу уже стояли двѣ маленькія, очень искусно сдѣланныя бумажныя колясочки съ крошечными бумажными же колесами. Къ каждой колясочкѣ Таро привязалъ спереди нитку. Затѣмъ онъ открылъ коробку и вынулъ изъ нея жука. Другой жукъ не дождался и вылетѣлъ самъ. Это былъ большой черный жукъ, онъ полетѣлъ прямо къ Такэй и запутался въ ея черныхъ волосахъ.

Можетъ-быть, жукъ просто хотѣлъ спрятаться въ нихъ, но у него были большія черныя челюсти, которыми онъ больно защемилъ нѣжную кожу на толстенькой шейкѣ Такэй.

Такэй покатила на полъ, громко завизжавъ отъ страха. Мать услышала ея крики и тотчасъ прибѣжала къ ней на помощь. Сбѣжались и всѣ служанки, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

— Ой, ой, ой!—плакала Такэй.

Она не могла выговорить ни слова и, продолжая кричать, только отчаянно царапала свою шею. Напрасно старались всѣ добиться отъ нея, что съ ней случилось.

— Я знаю, знаю! — вдругъ воскликнулъ Таро.

Онъ встряхнулъ волосы Такэй, и оттуда вылетѣлъ черный жукъ. Таро поймалъ его.

— Съ нимъ ничего не сдѣлалось, — сказалъ онъ.

— Но со мной сдѣлалось! — хныкала Такэй.

Мать и бабушка обмыли укушенное мѣсто на шейкѣ Такэй и начали утѣшать ее. Такэй скоро успокоилась, снова почувствовала себя такой же счастливой, какъ прежде, и продолжала свою, такъ внезапно прерванную, игру. Вмѣстѣ съ Таро она привязала ниточкой жуковъ къ коляскамъ.

— Одинъ жучокъ будетъ мой, а другой твой, — сказалъ Таро, — и они побѣгутъ у насъ на перегонки.

Онъ пустилъ жуковъ на полъ. Жучки сейчасъ же начали ползти и потащили за собой коляски. Жукъ Таро приползъ первымъ. Дѣти долго играли съ жуками, пока бабушка не сказала имъ:

— Ну, теперь пустите жуковъ на волю. Сейчасъ будетъ готовъ обѣдъ.

Близнецы уже успѣли проголодаться. Они распрягли жуковъ и унесли ихъ на веранду. Тамъ они посадили ихъ на перила.

— Летите къ себѣ домой! — громко крикнули они жукамъ и побѣжали въ кухню, чтобы узнать, что готовится сегодня къ обѣду. Изъ кухни пахло такъ аппетитно!

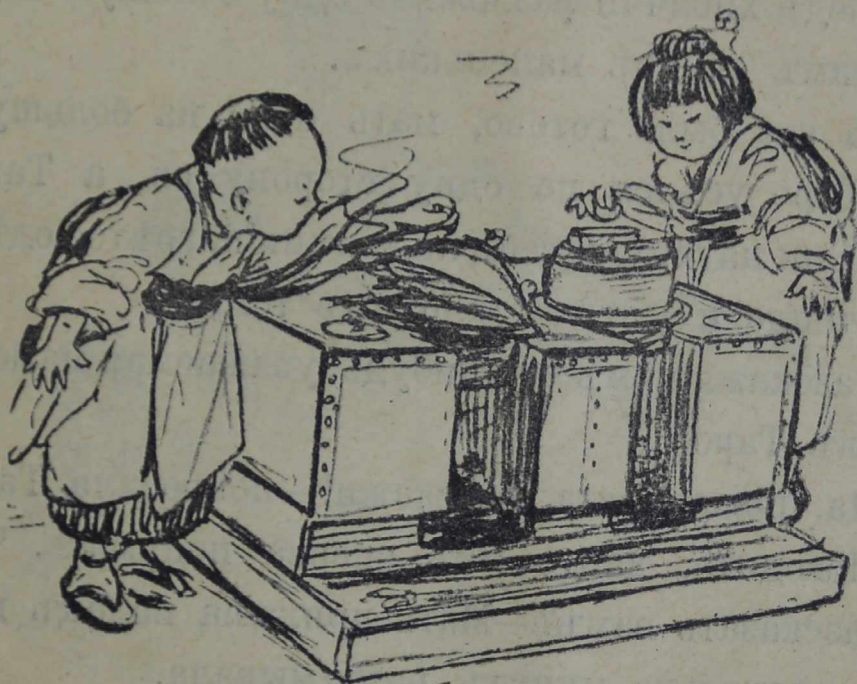
Такэй подошла къ плитѣ и подняла у большого котелка крышку. Плита у близнецовъ была устроена очень странно, совсѣмъ не такъ, какъ у насъ. На картинкѣ нарисована эта плита и близнецы, заглядывающіе въ котелокъ.

— Здѣсь рисъ! — сказала Такэй.

— Конечно, — замѣтилъ Таро. — Вѣдь ты же знаешь, что въ этомъ котелкѣ всегда бываетъ рисъ. А что вотъ здѣсь?

Онъ заглянулъ въ другой котелокъ. Въ немъ что-то кипѣло, и изъ котелка валилъ такой горячій паръ, что Таро чуть не обжегъ себѣ носъ. Въ этомъ котелкѣ варила рыба.

Когда обѣдъ былъ готовъ, бабушка, мать и оба близнеца усѣлись всѣ вмѣстѣ обѣдать. Бот-Чэнъ крѣпко спалъ.

— Послѣ обѣда бабушка сказала:

— Ну, теперь я пойду немного соснуть.

— Мы не будемъ шумѣть и постараемся не разбудить тебя и Бот-Чэна, — сказалъ Таро.

Когда маленькіе столики были убраны, мать сказала близнецамъ:

— Пойдемте, дѣти, посидимъ около хибаччи и погрѣемся немного.

„Хибаччи“ называется въ Японіи особая печка, которая бываетъ почти въ каждомъ японскомъ домѣ. Она

сдѣлана въ видѣ открытаго четырехугольнаго металлическаго ящика, въ ящикѣ всегда лежатъ горячіе угли. Обыкновенно каждый членъ семьи имѣетъ для себя такую отдѣльную маленькую печку, но иногда близнецы предпочитали усѣсться всѣмъ вмѣстѣ передъ одной большой хибаччи и поплотнѣе прижаться къ матери.

Мать взяла четырехугольную желѣзную раму и положила ее сверху на хибаччи. Затѣмъ она достала изъ шкафа теплое одѣяло и постелила его на раму, а на полу передъ хибаччи разложила одну большую подушку и по бокамъ ея двѣ маленькихъ.

Когда все было готово, мать сѣла на большую подушку; Таро усѣлся по одну сторону ея, а Такэй по другую. Они натянули себѣ на колѣни нагрѣтое одѣяло— и какъ тепло и уютно стало имъ тогда!

— Расскажи намъ что-нибудь, уважаемая мамочка!— попросилъ Таро.

— Да, пожалуйста, расскажи!— попросила Такэй.

— Погодите, дайте мнѣ сперва подумать. Что бы такое рассказать вамъ?— Мать прижала палецъ къ бровямъ и нѣсколько минутъ раздумывала.

— Расскажи намъ про „Волшебный чайничекъ“,— попросила Такэй.

— Нѣтъ, лучше про „24 образцовыхъ человѣка“,— сказалъ Таро.

— Какіе это образцовые люди?— спросила Такэй.

— Это тѣ, которые поступаютъ всегда лучше всѣхъ и которымъ мы должны стараться подражать,— объяснила ей мать.

— Значитъ и ты, мамочка, тоже изъ образцовыхъ людей?— спросила Такэй.

— Нѣтъ,—воскликнула мать.—Гдѣ мнѣ сравниться съ ними!

— Ну, тогда, значить, образцовыхъ людей совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ,—рѣшительно объявила Такэй,—потому что никто не можетъ быть лучше тебя.

Мать засмѣялась.

— Подожди, пока я расскажу тебѣ про нихъ,—сказала она, и начала рассказывать:

„Какъ-то разъ жилъ на свѣтѣ одинъ маленькій мальчикъ. Онъ былъ очень добрый и любилъ своихъ родителей. Вы даже не можете себѣ представить, до чего онъ былъ добръ, хотя ему было всего только шесть лѣтъ. Мальчикъ былъ очень красивый, у него была тонкая нѣжная кожа и большіе ясные глаза.

Домъ, въ которомъ этотъ мальчикъ жилъ со своими родителями, стоялъ посреди рисовыхъ полей. Весной поля заливались водой, и тогда надъ ними кружилось

множество москитовъ. Мальчикъ видѣлъ, какъ страдали отъ москитовъ его родители, и рѣшилъ спасти ихъ. И вотъ каждую ночь онъ ложился голый на цыновку, москиты набрасывались на него и кусали его нѣжную кожу, а родители мальчика такимъ образомъ были спасены отъ ихъ укусовъ“.

— Какой онъ былъ храбрый!—воскликнула Такэй.— Я очень боялась бы москитовъ.

— Ты и жуковъ боишься,—презрительно сказалъ Таро.

— Ну такъ что жь!—возразила Такэй.— А все-таки я предпочла бы, чтобы жукъ кусалъ меня, чѣмъ мамочку.

— Можетъ-быть, и ты тоже будешь современемъ образцовой дѣвочкой,—сказала мать.— Хочешь, я расскажу тебѣ про одну маленькую дѣвочку, которая спасла жизнь своему отцу? Она любила его больше всего на свѣтѣ. Какъ-то разъ ей пришлось пойти съ отцомъ въ джунгли ¹⁾, гдѣ на нихъ напалъ тигръ. Тогда дѣвочка бросилась навстрѣчу тигру и сжала своими ручонками его челюсти, такъ что отецъ ея успѣлъ убѣжать.

— И тигръ съѣлъ ее?—спросила испуганно Такэй.

— Я думаю, что да,—отвѣтила мать.

— А какъ ты думаешь, мамочка, хорошо сдѣлала дѣвочка, что спасла своего отца?— снова спросила Такэй.

— Конечно, очень хорошо!—воскликнула мать.

— Ну, а отецъ хорошо сдѣлалъ, что убѣжалъ и оставилъ свою дочку на съѣденіе тигру?

— У насъ въ Японіи жизнь женщины не такъ цѣнится, какъ жизнь мужчины,—отвѣтила мать.

¹⁾ Джунгли—непроходимая болотистая чаща,

Такэй сердито ударила рукой по подушкѣ.

— Я не понимаю, какъ могла дѣвочка любить и уважать своего отца, который поступилъ такъ гадко, — сказала она.

— Но вѣдь она же любила его, — возразила ей мать.

— Расскажи намъ еще про кого-нибудь, — попросилъ Таро.

— Только, пожалуйста, мамочка, не рассказывай намъ больше про образцовыхъ людей! — воскликнула Такэй.

— Почему? — спросила мать. — Развѣ ты не хочешь еще послушать про одного хорошаго мальчика, который ложился на холодный ледъ, чтобы ледъ протаялъ отъ теплоты его тѣла, и мальчикъ могъ поймать нѣсколько штукъ рыбъ на обѣдъ своей злой мачехѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, пожалуйста, не рассказывай про него! — воскликнула Такэй. — Всѣ родители этихъ образцовыхъ людей ужасно злые и гадкіе.

— Перестань, моя милая дѣвочка, — остановила ее

мать. — Ты должна говорить такъ. Мы все обязаны любить и уважать нашихъ родителей.

— Да, — сказала Такэй, — мы очень любимъ и уважаемъ тебя и нашего отца, но это потому, что вы всегда такъ добры къ намъ.

Она положила обѣ руки на циновку и поклонилась своей матери до земли. Таро не захотѣлъ отстать отъ сестры; онъ сползъ съ подушки на полъ и тоже низко поклонился матери.

— А теперь, мамочка, пожалуйста, расскажи намъ про „Волшебный чайничекъ“! — попросила Такэй.

— Много лѣтъ тому назадъ... — начала было мать.

Вдругъ изъ того угла, гдѣ на подушкѣ спалъ Бот-Чэнъ, послышался слабый пискъ, и одѣяло начало шевелиться.

— Бот-Чэнъ проснулся, — сказала мать. — Я должна теперь пойти къ нему. „Волшебный чайничекъ“ подождетъ до слѣдующаго раза.

Какъ разъ въ это время на бумажномъ экранѣ появились яркія солнечныя пятна, и на нихъ красивыми узорами заколебались тѣни отъ листьевъ.

— Солнышко выглянуло! Солнышко выглянуло! — закричали близнецы.

Они выбѣжали на крыльцо, одѣли свои деревянные башмаки и черезъ нѣсколько минутъ уже весело прыгали въ саду подъ лучами яркаго солнышка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Съ англійскаго Л. и Ж. Караваевы.

15

7WV

181600 / 281

